

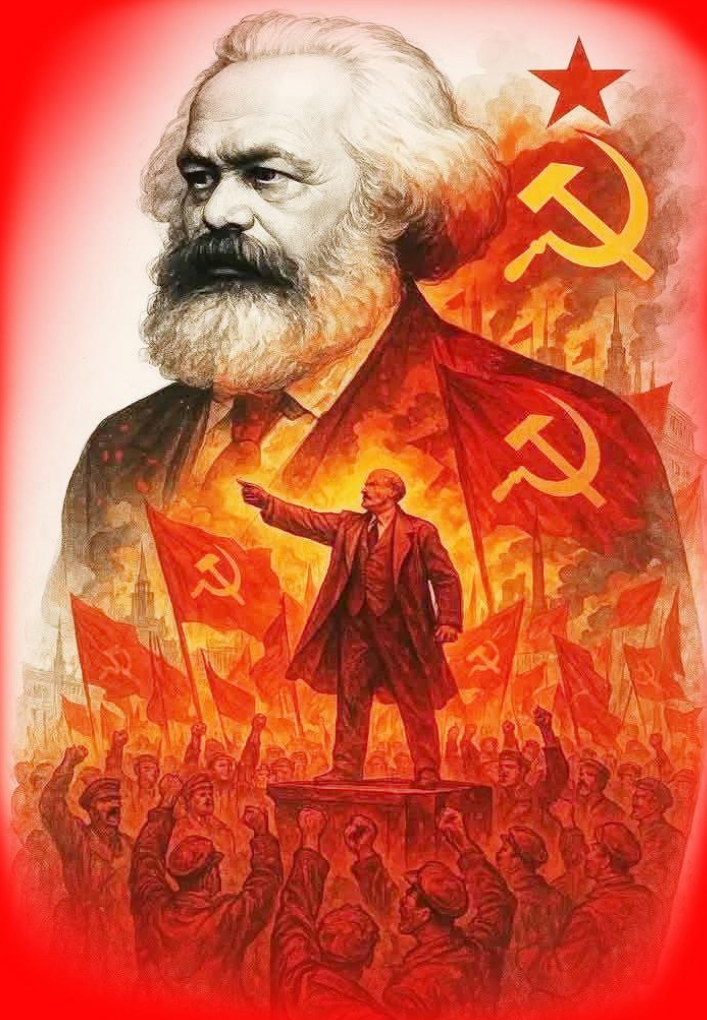
ПРОРЫВ

№ 82

(№ 3 2025)

МАЙ 2025

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

читайте

В ЭТОМ НОМЕРЕ

В. Погузов

О ФИЛОСОФСКОЙ
ШИРМЕ ИДЕОЛОГИИ
КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА
С. 2 - 17

Бронислав

КНИГА,
ИЗМЕНИВШАЯ МИР
С. 18 - 25

А. Редин

ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЧИНАХ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ И
НЕКОТОРЫХ ПУТЯХ
ПРЕОДОЛЕНИЯ
РАЗНОГЛАСИЙ В
СИСТЕМАХ НАУЧНОГО
ЦЕНТРАЛИЗМА
С. 26 - 31

Р. Тёрнер

ЗАМЕТКИ НА
«ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ»
С. 32 - 34

Д. Назаренко

КРИТИКА
АНТИКИТАЙСКОЙ
ПРОПАГАНДЫ
С. 35 - 45

Е. Половинко

ДЕКЛАРАТИВНО-
ДОГМАТИЧЕСКИЙ
СОЦИАЛИЗМ
Н. АНДРЕЕВОЙ
С. 46 - 48

В. Jane

О МОТИВАЦИИ
С. 49 - 51

Роберт

ПИСЬМО
С. 52 - 53

ФИЛОСОФИЯ

О философской ширме идеологии классового общества

Валерий ПОДГУЗОВ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Как известно, биологические виды деградируют и вымирают, если затраты их энергии на приобретение средств существования, по какой-то объективной причине, в данном ареале, начинают превышать энергетическую ценность поступающих в организм питательных веществ. Некоторые живые организмы предпочитают минимизировать энергетические затраты, почти до нуля, довольствуясь теми питательными веществами, что удастся получить в готовом виде, например, питаясь кровью особей, ведущих активную добычу разнообразных средств существования. Такие существа в биологической науке называют паразитами. Т.е. паразитизм – естественное состояние части биоты, лишенной зачатков рассудка, форма ее существования. Образ жизни паразитов является следствием примитивности устройства аппарата их высшей нервной деятельности. Вымирают активные особи, вымирают вместе с ними и их беззаботные паразиты, если не найдут себе новых доноров. Та же история и с раковыми клетками, размножающимися, пока жив их носитель, но умирающими вместе с ним.

Как показывает эволюция видов, паразитизм в живой природе, как форма добывания средств пропитания, исключает развитие физиологии, центральной нервной системы существ подобного класса, **а, следовательно**, какое-либо развитие их образа существования.

Паразитизм, причем, совершенно не аскетический, может формироваться и среди объектов зоологии, например, самцы некоторых пород рыб, прирастают к телу самки и питаются за счет кровообращения самки; альфа-самцы в львиных прайдах паразитируют на охотничьем трудолюбии львиц. Самцы гиен, тоже не рвутся в бой за еду, а довольствуются тем, что оставят им самки.

Но среди двуногих прямоходящих млекопитающих наблюдается несколько иная взаимосвязь между стремлением особей к паразитическому образу жизни и трансформацией содержания их сознания и навыков. Вместо того, чтобы, как клоп, все свои усилия направлять на поиск донора, двуногие прямоходящие млекопитающие изощренно разрабатывают тактику и стратегию превращения большинства себе подобных в ничего не подозревающих доноров.

Т.е. были времена, когда все прямоходящие двуногие млекопитающие добывали себе средства существования при помощи первых, осмысленных и изготовленных ими орудий труда, когда практически у всех представителей рода человеческого развивались их конструктивные аналитические и синтетические приемы мышления. Но, когда произошло первое «грехопадение» и первобытный человек, не участвовавший, например, в копке ямы-западни для мамонта, но откушавший кусок жаренного на костре хобота, проникся мыслью о превращении этого случая в свое личное правило поведения, закон своей жизни.

В ходе исторического развития форм общественной жизни подобные представители рода

человеческого напрягали свою наблюдательность с целью выработки приемов и доводов, позволявших минимизировать собственные трудовые затраты при максимизации своей доли в продукте, производимом всем остальным сообществом. Были разработаны первые «многоходовки» и многофакторные системы, логического и силового обеспечения, психологического оправдания личного, кланового и классового паразитизма. Как показала история, соблазн паразитического образа жизни был так велик, что нет такого преступления, на которое не пойдут некоторые прямоходящие двуногие млекопитающие, если случай сулит максимальные объемы потребления при **практически** нулевых затратах собственной энергии. Строго говоря, подавляющее большинство статей уголовных кодексов всего мира и рождены, как реакция на привлекательность паразитизма во всех докоммунистических формациях, как низкоэффективное средство борьбы с этим, отупляющим человека, злом.

Среди части современных двуногих прямоходящих млекопитающих паразитизм принял «застенчивый» характер. Многие люди предпочитают непыльную, часто бесполезную работу и относительно скромный оклад в храме, в офисе, чем, например, относительно большой заработок в шахте или на рыболовной шхуне. Правда, в настоящее время и младшие офисные клерки, и рыбаки, в большинстве своем мечтают о неограниченном потреблении, о «золотой рыбке», о «щучьем велении».

О САМОУБИЙСТВЕННЫХ ОБРАЗЦАХ МУДРОСТИ

Несмотря на щедрость комитета по присуждению премий им. Нобеля, особенно физикам, специалистам по макрокосму и микромиру, информационное пространство давно уже не покидает тезис о кризисе современной физики. И он выглядит правдоподобнее, чем краткие реляции нобелевского комитета об «открытиях», совершенных «физиками» на расстоянии в... миллионы световых лет, например, в виде урчания «гравитационных волн». Доктора всех прочих наук до сих пор не могут ничего понять в этих «открытиях», чем очень гордятся люди, называющие себя физиками.

Одна из причин недоверия к подобным «открытиям» коренится в том, что нет убедительных признаков, что члены современного сообщества дипломированных физиков владеют логикой и понимают значение важнейших слов, входящих в описание ими «физических» процессов. Популяризаторы эйнштейнианства проговаривают заученной скороговоркой сакральные тексты в своих «популярных» роликах на ТВ, «раскрывая» тайны галактик, тайны зубодробительных экспериментов на наковальне под простеньким названием «адронный коллайдер»... Остается им только верить, как в церкви.

Возьмем ли мы книгу Эйнштейна «Эволюция физики», Дирака «Общая теория относительности» или Фейнмана «Характер физических законов»... везде, применяемые ими категории как, например, бесконечность, материя, пространство, время, гравитация, объект, субъект, реальность, отражение, абсолютность, относительность, причина, следствие, закон... не имеют определений, а потому авторы этих книг делают с материей, пространством и временем, что хотят, выражая свою «тоже логику» тензорными и квантовыми уравнениями, или «легко проверяемыми» экспериментами, в которых описывают иллюзии наблюдателей, движущихся со скоростью света. Иными словами, никто сегодня не учит физиков логике качественного анализа. Если исследователю недоступны какие-либо количественные параметры исследуемого явления, которые можно сложить, умножить, возвести в степень, взять производную, интеграл..., то **пока** добиться от физиков внятного определения понятий материи, антиматерии, темной материи, темной энергии, черной дыры, света, электрического тока, электромагнитных полей, да и полей вообще... не получается.

Как показывает практика, большой беды в этом нет, поскольку исполнения предсказания космологов, эйнштейнианцев верующим придется ждать многие миллионы лет, как и «конца света». Но наша повседневность, построенная на стихийно выработанной «логике» современных, узко дипломированных специалистов, влияет реально на жизнь миллиардов людей таким образом, что самыми обсуждаемыми темами в СМИ являются антропогенные причины климатических, экологических, демографических, наркотических, генно-инженерных, военно-политических угроз и проблем, ставящих под сомнение

возможность сохранения нынешних форм жизни на Земле.

Руководствуясь своими мировоззренческими взглядами, например, химики, обученные и воспитанные при капитализме, подарили олигархам боевые отравляющие вещества, т.е. первую разновидность оружия МАССОВОГО поражения людей в ходе первой мировой войны. В ходе второй мировой войны, биологи подарили олигархам бактериальное оружие, а физики - ракеты и ядерные бомбы. Готовы горы самонаводящегося оружия и к третьей мировой войне. Стаи дронов уже терроризируют обывателей, без разбора их национальной принадлежности и, что особенно парадоксально, убивают мещан антикоммунистической ориентации.

Подобный ход суицидального «развития» общества наводит на мысль, что узко дипломированным специалистам, населяющим страны развитой рыночной демократии, уже привита такая «мудрость», при которой все достижения в области науки и техники, силой финансовых отношений, будут поставлены, прежде всего, на службу олигархам для решения вопроса о новом разделе мира между ними, чего бы это не стоило всем остальным жителям планеты.

Можно считать доказанным, что, как и сто одиннадцать лет тому назад, в условиях рыночной экономики, специалистам в области высоких технологий, удастся обеспечить надежную кормовую базу себе, своей жене и детям, только в меру того, сколь успешной будет их деятельность на ниве создания все более человекоубойных комплексов.

Как показывает опыт, деинтеллектуализация современных масс достигла такой степени, что, как и накануне первых двух мировых войн, недостатка в желающих выступить в роли пушечного мяса **пока** нет. Даже романтик, жаждущий полета на Марс, Илон Маск, вынужден тратить время своей жизни на удовлетворение потребностей, сначала, команды Байдена и Зеленского, а затем, «сделок» Трампа по перераспределению недр Украины, ресурсов Канады, Гренландии, Мексики...

Не будет преувеличением, если сказать, что теперь многое в истории человечества, жизнь которого висит на волоске, зависит от того, смогут ли обществоведы найти такие убедительные, логически стройные доказательства, чтобы **даже** у

физиков проснулись совесть, сработали инстинкты самосохранения и изменилось отношение к суицидальности и каннибализму их теперешнего мышления.

Однако прозрение людей, выживших в годы перемен, не наступает автоматически под ударами одних лишь трагедий, потерь родных и близких. Как видим, даже трех лет страданий современных жителей Украины, потерь сотен тысяч родственников и наемников, при данном содержании их мировоззрения, **недостаточно, чтобы** ум подсказал им, куда нужно повернуть стволы. Но мудрость нельзя купить, ее можно лишь приобрести.

Однако, еще большая беда состоит в том, что и логика большинства современных обществоведов всего мира, в том числе и представителей левого спектра, никак не хочет вырасти из детских штанишек.

РЕДКОЛЛЕГИЯ МАРКСИСТОВ ИЛИ РЕДКОЛЛЕГИЯ ЧЛЕНОВ РЕДКОЛЛЕГИИ?

Никто из моего круга общения не выдерживает и десяти минут общения на тему марксизма, если идти от частного к общему, то за десятилетие я так и не сумел заставить себя прочитать „Науку логики“».

Р. Огиенко

Как видите, Огиенко сам признался, что НИ-КТО из ЕГО круга общения не выдерживает и десяти минут ЕГО бесед на тему «марксизма» в ЕГО интерпретации. Но он продолжает делано удивляться: почему же его освободили от обязанностей члена редколлегии журнала «Прорыв» **даже** раньше, чем Быстрова и Шевцова. Он «забыл», что основной целью **существования журнала «Прорыв»** был назначен не поиск готовых марксистов, а разработка методологии, т.е. философии подготовки таких кадров, к которым потянутся наиболее развитые наемные работники умственного и физического труда, и сами назовут собеседника теоретиком марксизма, умом, честью и совестью авангарда рабочего класса, партии научного централизма.

Огиенко не понял, что не марксизм отталкивает собеседника, а конкретный субъект, лишенный соответствующих методологических знаний и навыков общения, но называющий себя марксистом, прорывистом.

Не сумев за десять лет заставить себя, хотя бы, просто ПРОЧИТАТЬ «Науку логики», Огиенко не выполнил одну из первых рекомендаций редколлегии «Прорыва»: обязательно ознакомиться, как минимум, с содержанием трех источников марксизма, чтобы понимать, какую работу необходимо было проделать классикам марксизма над собой, чтобы не только очистить авгиевы конюшни рабовладельческой, феодальной и буржуазной философии, политической экономии и утопических социальных фантазий эпохи рабовладения, феодализма и капитализма, но и, вычленив из них все грамотное, создать безусловно научную теорию общественного прогресса.

Огиенко же считает, что в его лице редколлегия «Прорыва» потеряла судьбоносного кадра. Его ничуть не смущает то обстоятельство, что Ленин в своих статьях об источниках марксизма, на первое место ставил именно философию, гегелевский вариант изложения «ядра» диалектики. А о чем может говорить субъект, не нашедший в себе сил, познакомиться с работами, которые, по словам самих классиков марксизма, сыграли важную роль в деле их становления в качестве признанных вождей мирового пролетариата. К сожалению, Огиенко не одинок. В современном левом движении таких **пока** большинство.

За долгие годы жизни мне немало встретилось лекторов КПСС, которые своими выступлениями вызывали у слушателей, в лучшем случае, лишь зевоту. Секрет этих «гипнотизеров» заключался именно в их низжайшей методологической подготовке.

Сегодня группа, заводилой в которой был Огиенко, по ходу полемики сформулировала некоторые свои «благие пожелания» следующим образом: «сырость статьи еще не оппортунизм, сойдет и так»; «пусть ребята пишут как и когда могут»; «к разногласиям нужно относиться спокойнее»; «статей нужно публиковать больше, хотя бы и сереньких»; «главреда необходимо пинать ленивых авторов»; «журнал следует выпускать чаще»; «старикашку главреда необходимо заменить на молоденького»; «без нас «Прорыв» загнется».

Итак, «сор из избы вынесен». Читатели теперь уже хорошо знакомы с текущим опытом решения кадровых вопросов в журнале «Прорыв»: максимальная личная ответственность автора за уровень его научной самоподготовки в области марксистской теории; минимальная опека на стадии творческого планирования, при написании и выборе места публикации; неспешная закрытая и открытая полемика в случае возникновения вопросов к научности публикации; точное обозначение позиций и выделение противоречий; обмен рекомендациями; принятие кадрового решения и сохранение права на отстаивание своей точки зрения на практике за пределами организации.

Изменится объективная ситуация, изменятся и некоторые организационные принципы.

Могут спросить, ну, и где здесь централизованное научное планирование, сам централизм, если автор имеет право инициативно выбирать темы, публиковать свои материалы в любых издательствах?

Во-первых, централизм может быть следствием только высочайшей научно-теоретической подготовки планирующих кадров, которых **пока** не хватает. Во-вторых, сторонникам «Прорыва» еще много предстоит поработать над собственной методологической зрелостью, чтобы стать универсально пригодными для планового использования их научного потенциала в любое время в рамках централизованной стратегии. В-третьих, в сложившейся кадровой ситуации, сам принцип научности и является тем центром, тем критерием отбора кадров, вокруг которого и возникают конструктивные и деструктивные отношения между активистами «Прорыва». Естественно, возникают противоречия, полемика, по итогам которой происходит не голосование за принятие какого-либо «золотого» или «среднего» решения большинством, а размежевание. Носителям противоположных подходов предоставляется право реализовать свою позицию на практике и, тем самым, доказать свою правоту.

«Прорыв» настойчиво проводит мысль, что дело Маркса и Ленина невозможно продолжить с надеждой на полный успех, если наши кадры не достигнут их уровня методологической образованности. И хотя в распоряжении современных левых есть готовый «Капитал» Маркса, он является образцом применения знаний диалектики к узкой научной проблеме, а не учебником по диалектике.

Книга Гегеля «Наука логики» явилась тем пространством «тренажерным залом», в котором Маркс и Ленин, ворочая «гирями» гегелевского стиля изложения, приобретали практические навыки бескомпромиссного, въедливого, диаматического мышления. Т.е. существуют важные доводы в пользу решающей роли критического исследования философских трудов Гегеля в деле становления личностей с методологической подготовкой Маркса, Энгельса, равных Ленину и Сталину в победоносных практических свершениях. Как показала практика, среди лиц, называющих себя прорывистами, далеко не все видят эту необходимость. Многие, как Хрущев, полагаются на коллективный ум лиц, не владеющих диаматикой.

Двигаясь от общего к конкретному, можно без преувеличения сказать, что КПСС рухнула именно потому, что к 1991 году в КПСС, а, следовательно, и сегодня, в КПРФ и РКРП, практически не было и нет членов, которые бы так же критично, как Маркс и Ленин, изучили диалектику Гегеля и поставили ее опять, с головы на ноги в своем собственном сознании.

К сожалению, в силу исторических условий становления советской партийной интеллигенции, и некоторых, не самых ароматных, ее свойств, самое большое, на что оказались способными обществоведческие кадры КПСС, члены Академии общественных наук при ЦК КПСС, кадры Института марксизма-ленинизма, Высших партийных школ – это вульгаризировать методологию марксизма в многочисленных макулатурных диссертациях, монографиях и учебниках, испеченных «Политиздатом» после 1953 года.

Нет ничего проще, чем назвать себя марксистом. Однако стать марксистом вообще невозможно, если не найти в себе сил, для начала, просто, прочитать, хотя бы, парочку трудов Гегеля, книгу Маркса «Критика политической экономии. Капитал», гениальная глубина которой была достигнута исключительно за счет постижения и переработки Марксом диалектики Гегеля, соединения ее с диаматически переработанным материализмом Фейербаха.

Благодаря синтезу этих «тез», Маркс успешно рассмотрел причинно-следственные связи, этапы развития производительных сил общества, загнивания производственных отношений, возникновения и загнивания буржуазной

теории политической экономии и, впервые в истории, одарил человечество научным взглядом на исторический путь, проделанный «одноклеточным организмом» под «невинным» названием ТОВАР, который в условиях ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, вездесущего НАСИЛИЯ, переродился в новые формы отношений между людьми: СТОИМОСТЬ, ДЕНЬГИ, ЦЕНЫ, превратил в товар РАБОЧУЮ СИЛУ человека, породил ПРИБАВОЧНУЮ СТОИМОСТЬ, КАПИТАЛ, ПРИБЫЛЬ, МОНОПОЛИЮ, ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ, МИРОВЫЕ ВОЙНЫ и создал объективные предпосылки для формирования МОГИЛЬЩИКА КАПИТАЛА, – т.е. РАБОЧЕГО КЛАССА.

Если сформулировать то, что можно назвать «дорожной картой» социального развития, то желающим стать победителями в борьбе за прогресс человечества предстоит «всего навсего»: освоить диаматику марксизма, творчески развить ее в соответствии с реалиями двадцать первого века, обогатить эксплуатируемый класс наемных рабов идеями ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА и **организовать** современных ЭКСПЛУАТИРУЕМЫХ пролетариев умственного и физического труда в свободный от эксплуататоров ГРАМОТНЫЙ РАБОЧИЙ КЛАСС, создав партию НАУЧНОГО ЦЕНТРАЛИЗМА, памятуя, что диктатура рабочего класса – синоним диктатуры научного мышления, носителем которого обязан быть, прежде всего, Центральный Орган партии.

Сегодня, к сожалению, приходится, с горечью, повторять ленинские слова, сказанные им в начале 20-х годов прошлого века, что в стране и партии все еще нет интеллигентов, которые бы правильно поняли «Капитал» Маркса потому, что нет партийцев, уже успевших усвоить диаматику, превратив ее в органическую методологию своего мышления.

Миллионы современных физиков, химиков, математиков, инженеров, учителей, артистов, медиков – полные профаны в области диаматики, а потому именно эти дипломированные узкие специалисты составляют большинство обманутых избирателей, дольщиков, пайщиков, вкладчиков, гастарбайтеров, жертв телефонных мошенников и являются разновидностью самоубийц, основными виновными в появлении все более жестоких средств ведения войн.

Общеизвестно, что любое конструкторское бюро есть объединение специалистов определенного профиля. Недостаток компетентности у любого из членов конструкторского бюро ведет к ошибкам, ошибки к торможению и, нередко, к провалам проекта, а провалы, к выявлению непосредственно виновного, как правило, наименее образованного сотрудника. Однако на практике, поскольку надежда умирает последней, главный конструктор, до явного провала, вынужден ориентироваться на оценки диплома и мириться с пестрым уровнем профессиональной подготовки кадров и потому заранее планировать многочисленные серии экспериментов и испытаний ради компенсации просчетов некомпетентных и криworуких кадров на стадии проектирования и изготовления опытных образцов.

В ленинско-сталинский период истории РСДРП-ВКП(б) опробованы были как методы чистки партии от некомпетентных и недобросовестных кадров снизу, т.е. на демократических принципах, которые троцкисты использовали для сведения счетов, так и адресные чистки самих верхов сверху, после всесторонней глубокой проверки деятельности строго конкретных лиц. После 1953 года борьба за чистоту партийных рядов в КПСС, за безусловный научный рост кадров, проводилась формально, беспринципно, или в виде копания в семейных дрязгах, или в виде огульного обмена партийных билетов.

Контрреволюции, произошедшие в XX веке в некоторых социалистических странах, принесшие многомиллионные потери в одних только живых людях, позволили антикоммунистам, говорить о социалистических революциях как о неудачном эксперименте, при этом, всячески замалчивая одно важное методологическое обстоятельство. История ВКП(б)-КПСС и СССР до 1953 года, всеми этапами своего развития и непрерывной цепью Побед всемирно-исторического значения доказала, что марксизм абсолютно точен в своих выводах об объективных законах общественного развития, а Ленин и Сталин - гении марксизма, развившие его и материализовавшие теорию на практике.

Но тридцатилетие после 1953 года показало, что не получила своего развития, прежде всего, теория подготовки кадрового резерва партии, носителей аутентичного, конгруэнтного марксизма, т.е. знатоков такого марксизма, содержание кото-

рого, чувственное его восприятие массами, и поступки людей, овладевших актуализированной теорией марксизма, совпадают и порождают оптимизм последовательных запрограммированных побед. А замена одних некомпетентных руководителей, другими, еще более некомпетентными, естественно, ничего полезного делу строительства коммунизма добавить не может. После кончины или смещения очередного генсека, партия демократически выбирала себе все более молодых, но некомпетентных генсеков. Кадровые подвижки в ЦК КПСС сразу после 1953 года показали, что основные массы членов ЦК были лишь удовлетворительными исполнителями замыслов партии при жизни Сталина и не обладали необходимыми знаниями, для творческого развития и применения теории марксизма в практике борьбы с оппортунизмом, строительства коммунизма.

В связи с застоем теоретической мысли в КПСС, мировой финансовый капитал получил передышку и возможность, с одной стороны, «холодной» войной, гонкой вооружений, идеологическими диверсиями, в том числе, со стороны диссидентов, отвлекать значительные силы советского общества от непосредственного строительства материально-технической базы коммунизма и развития системы Макаренко по воспитанию человека коммунистического мировоззрения, а с другой стороны, пропагандой меркантильных, мещанских ценностей западного образа жизни средствами Голливуда, «забугорных голосов» Севы Новгородцева, Аксенова, заражать техническую и художественную интеллигенцию тупым потреблением, формируя из них миллионные армии будущих беззащитных мещан, гастарбайтеров, беженцев, обманутых дольщиков, пайщиков, вкладчиков, жертв телефонных мошенников, террористов и неонацистов.

Загнивание КПСС, развал СССР стали возможными в силу неверного понимания ленинского учения о Центральном Органе партии, в виду диаматической безграмотности, слепого поклонение антинаучному, развращающему кадры, принципу демократического централизма, который выносил на поверхность партийного руководства людей, фактически, не владеющих теоретическим марксизмом. Ни один Генсек ЦК КПСС после Сталина, до вступления на этот пост, ни разу и ничем не доказали своего знакомства с материалистической диалектикой. Председатель КГБ Андропов, который по должности обязан

был больше других знать и защищать первую фазу коммунизма от некомпетентных и услужливых дураков, заявил на первом же Пленуме ЦК, что ему нужно еще разобраться, что за социализм построен в СССР с его участием.

Иной вопрос, что Брежнев, Суслов, Устинов, Черненко, старались работать в пределах их понимания «Краткого курса истории ВКП(б)», который читали в молодости, до войны. Они руководили работой ЦК, Госплана, министерств, заботились о тоннах выплавленной стали, о квадратных метрах жилья, но никогда и ничего не говорили о диаматике непосредственного строительства коммунизма.

В руководстве КПСС времен Брежнева считали достаточными прирост производства материальных благ, неспешный, но устойчивый рост ВВП и НД, ориентированные на западные киношные и рекламные примеры «благополучия», для движения системы социализма в сторону коммунизма. А таких руководителей, как Андропов, Горбачев, Лигачев и Ельцин, ни диалектический материализм, ни вопрос движения к коммунизму, вообще никогда не интересовали. Они всегда тяготели к хозрасчету, связывали материальное разнообразие Западных рекламных буклетов, изобилие витрин и полок в супермаркетах с рыночными механизмами, внедрение которых в экономику СССР, по их мнению, автоматически позволит компенсировать недостаточную грамотность партийных кадров, а хозрасчет и кооперативы сделают советские магазины похожими на западные. И будет всем нам счастье. Эту позицию всегда протаскивали в жизнь академики АН СССР. Ее и приняли на вооружение Косыгин, Хрущев, Андропов с Горбачевым и Ельциным.

СЛОВО «ФИЛОСОФИЯ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭТИМОЛОГИИ

Во всех классовых формациях, в разных странах и в разное время, но неизбежно возникал миниатюрный «клуб», члены которого именовали друг друга философами. Правда, в народной молве, философом, частенько, называют всякого любителя пространно поговорить о вечном и непознаваемом. Объективно существует и значи-

тельный пласт литературы, который в библиотеках и книжных магазинах пылится под грифом: философия.

«Новичок, - писал Маркс, - изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной». [Маркс. «18 Брюмера Луи Бонапарта»].

Маркс свободно владел несколькими языками и потому признак, по которому можно судить о степени действительного освоения иностранного языка в рамках своего профессионального интереса, был сформулирован им со знанием дела. Большинство же современных русскоговорящих философов пользуются словосочетанием «философия», так, как будто в совершенстве владеют древнегреческим и поэтому им, якобы, нет нужды переводить этот термин на русский язык. Дескать, «зовите нас, просто, философами».

Совершенно ясно, что, только для тех, для кого древнегреческий язык был родным, смысл словосочетания «философия» не требовал перевода, примерно так же, как и для русскоязычных не требует перевода слово «мудрость». Всякий русскоговорящий знает, что это слово противоположно по смыслу слову «глупость», но упорно использует слово «философия» так, как будто мудрость не синоним философии. Видимо, сами понимают, как глупо современных философов называть мудрецами. В годы перестройки, демократы, в шутку, применяли к ним слово «мудраки».

Практика показывает, если человек на родном языке не удосужился вникнуть в сущность явления, то не факт, что на иностранном языке суть явления будет ему понятнее. Т.е. проблема философов мира до Маркса не в морфологии и фонетике языков, а в степени постижения представителями любой языковой группы сущности явления, обозначенного тем или иным набором звуков и графических символов. Поэтому и в РФ сегодня трудно найти официального философа, который имел бы славу мудреца и не был бы «комильфо» ради университетского оклада.

Древнегреческое словосочетание «философия» с небольшими орфографическими модифи-

кациями знакомо всем людям со средним образованием во всем мире и, фонетически, на всех языках, оно звучит, почти, одинаково, и обозначает **практически** одно и то же.

Разумеется, каждый народ в своей истории имел личность, чье имя было окружено ореолом уважения, признания, почета, цитирования: Лао-Цзы, Конфуций, Аль-Бируни, Ибн-Сина, Леонардо да Винчи, Николай Коперник, Джордано Бруно, Ломоносов, Маркс, Ленин.

В каждом современном языке принят термин для обозначения подобных носителей мировоззренческих и житейских истин, способных на многие вопросы дать содержательные ответы, логично сформулированные и подтвержденные практикой. Например, в русском языке, это слово «мудрый», в английском – «wise», во французском – «sage», на турецком – «akilli» и т.д. Но эти термины не имеют международного хождения в той степени, в какой её получило греческое словосочетание «философ».

Мировое признание древнегреческого термина «философия» указывает на то, что данное ЯВЛЕНИЕ возникло, целенаправленно культивировалось, характеризовалось большой преемственностью, универсализмом и многие века было присуще только конкретной языковой группе, в данном случае, древним грекам, и выросло оно на почве имперского рабовладельческого паразитизма интеллектуальной челяди греческих аристократов, т.е. благодаря наличию относительно сытого и абсолютно свободного времени у узкой прослойки лиц «титulyного» этноса, преимущественно, умственного труда. Греческие олигархи еще не видели большой угрозы своему классовому существованию со стороны философов, т.е. от людей, которые то жили в бочке; то днем со свечей искали людей в толпе; то писали сказки об Атлантиде... При отсутствии интернета философы были забавным дополнением к унылому олигархическому безделью, к их войнам, олимпиадам, симпозиумам, переходящим в вакханалии и оргии, тем более, что философы той эпохи были беззащитны как Архимед,

Сократ, Аристотель и прикольные, как Эзоп с Диогеном.

Позже, знакомство с этим элементом греческой культуры, философией, стало открытием, предметом изучения мыслителями других народов, начиная с эпохи Ренессанса.

Трудно сказать, кто из философов, говорящих на русском языке, приобретал в народе славу мудреца, оказывающего влияние на общественную практику. Мне такие не ведомы. Философ признавался таковым, прежде всего, в кругу философов. Это в полной мере относилось и к богословам России, не принявшим ленинизм, и, за компанию, отплывшим в 20-м году на пароходе в Париж. К сожалению, бесплодность россий-

ского богословия оказалась столь заразной, что, став советскими, философы стали марксо-словами, превратили диалектику в строго учебную дисциплину, а потому не смогли и не собирались вносить в практику строительства коммунизма ничего мудрого, ничего отрицающего предыдущее отрицание. К их числу можно отнести, например, таких **д.ф.н.ов**, как Деборин, Наан, Зиновьев, Кедров, Мамардашвили, Роговин, Волкогонов, Ципко или **к.ф.н.ов**, Ильенкова, Юшенкова, Казватса... Правда, А.А.Зиновьев перед смертью понял, что его «философия» долгие годы была «водопадом на мельницу империализма», и В.Роговин, будучи идейным троцкистом, в конце 80-х годов, неожиданно для всех выступил против рыночной реформы в СССР, но был заклеван.

В годы разгула гласности советские философы, в большинстве своем, показали свой истинно горбачевский «плюрализм», ельцинский уровень демократизма или заткнулись вообще, ничего не противопоставляя откровенным спекуляциям товарников, хозрасчетников, рыночников, агентов влияния, либералов, демократов, нацистов, клерикалов... Многие советские философы сами оказались националистами, идеалистами и, после 1991 года, клялись на лекциях, что никогда не были атеистами, что всегда тонко

разбирались в окаменевшем дерьме картезианства, эмпириокритицизма и жили с фигой в кармане в адрес диалектического материализма. Подобная трансформация не первая в среде, называющей себя философской.

ФИЛОСОФЫ И ИДЕОЛОГИ

Долгие века, даже население Греции не пользовалось письменностью и словом философия. Всемирная история открывается прикладным, приземленным, обыденным материалистическим мышлением прямоходящих млекопитающих, связанным с выживанием, позволившим человечеству не только выжить, но и, до известной степени, благодаря труду, развивающему мышление, стать высшим звеном в пищевой цепочке. И все было бы хорошо, если бы в памяти людей, в преданиях не хранилась бы информация о **необъясненных** природных явлениях в виде угрожающих затмений Солнца, Луны, землетрясений, раскатов грома, вспышек молнии, извержений вулканов, наводнений, оледенений, засух и т.п. катаклизмов.

На этом и сыграли «кашпировские» эпохи становления частной собственности, семьи и государства, фактические мифотворцы, идеологи эпохи становления рабовладения. Сначала им нужно было научить людей раболепствовать перед явлениями природы, а там, рукой подать, и до обожествления любого фараона, императора, сына божьего. Далекие предки современных телефонных мошенников, спекулируя на еще непознанном, «объяснили» перволюхам природные явления как проявление сверхъестественных сил духов, которые, однако, как и люди, будучи падкими на бесплатные подношения и склонными к умиротворению после обильного угощения, якобы, предпочитают получать жертвоприношения через посредников, шаманов, колдунов, но после долгих уговоров, т.е. их молитв, заклинаний и ритуалов. И потянулись предки будущих обманутых дольщиков, пайщиков, вкладчиков к капищам и храмам с добровольными дарами. И увидели шаманы и жрецы, что им хорошо. Будучи удовлетворенными подношениями, они обещали верующим, что духи и боги, выполняют их просьбы, например, в засушливый период откроют «хляби небесные» и пустят воды.

Скромные подношения, тем более, уклонения от них, объявлялись большим грехом и сулили грешникам потоп и другие адские кары. Так и оформились в своем безбедном существовании первые шаманы, жрецы, ведуны, носители изощренной антилогики. Поражает наглость, грандиозность фантазии авторов «Книги мертвых», высокая степень детализировки массы «мелочей» загробного мира и описания необходимых ритуалов. Ясно, что при такой степени доверчивости первобытных масс, уверовавших во все те нагромождения беспардонной лжи, сознанию людей, адекватности их мышления был нанесен огромный ущерб и это явилось важнейшим субъективным фактором окончания первобытного коммунизма, придания частной собственности и государственному управлению «убедительного» мистического «обоснования».

Однако пришло время, когда некоторые древнегреческие мыслители многовековому господству мифологии, весьма богатой на грандиозную ложь про богов и приключения их незаконнорожденных детей, после долгого перерыва, вновь, явочным порядком, противопоставили агрессивному мистицизму попытку рационального объяснения окружающей объективной и субъективной действительности, т.е., при помощи трезвого ума, адекватно отразили кое-что из окружающей действительности, например, описали количественные зависимости длины рычага и веса поднимаемого им груза, в зависимости от положения точки опоры, определили радиус кривизны земной поверхности, научились измерять течение времени по солнечным, водяным и песочным часам, решили множество задач планиметрии и тригонометрии...

С марксистской точки зрения, греческих мыслителей, первофилософов невозможно считать строго материалистами, учеными-теоретиками, но следует признать, что наиболее известные из них были искренними трудолюбивыми исследователями, первопроходцами. Они не только пытались понять и объяснить людям окружающую их действительность, но старались нащупать закономерности движения своей собственной мысли к истинным понятиям и научить этому слушателей своих академий. В пестрой среде первофилософов можно было встретить носителей, преимущественно, вульгарно-материалистических взглядов и носителей, преимущественно,

субъективно диалектических подходов, мастеров дедукции и знатоков индукции.

В древнегреческие времена крупные социальные потрясения, чередование побед и поражений в войнах, цикличность демократий и тираний, порождали в умах первофилософов желание придать мышлению властителей, а через них и общественной жизни, большей результативности, устойчивости, поступательности, гармонии, предсказуемости во имя минимизации предпосылок к массовым трагедиям или, хотя бы, к снижению их частотности. В ходе подобных поисков одни из первофилософов принимали существующие религиозные взгляды за исходные и пытались предложить более эффективные государственные порядки, обосновать и оправдать социальное неравенства людей, естественность господства сильных этносов над слабыми. Другие первофилософы, особенно склонные к объективизму, безуспешно искали пути преодоления массовых заблуждений в сознании своих современников о божественном происхождении всех земных радостей и напастей, пытались убедить людей в неразумности существующих земных порядков, в ненормальности организованных форм вооруженной борьбы между народами, в нецелесообразности и неестественности рабовладения...

Поэтому мыслителем можно назвать любого, кто, без всяких предварительных условий, погрузился в поиск ответа на возникший вопрос. В этом случае, итог размышлений зависел от удачи, от количества примеров, результатов экспериментов, приведенных в доказательство своей правоты.

Философом можно назвать человека, который обладает набором универсальных алгоритмов, методов мышления, обязательно приводящих к истине.

Идеологом можно назвать «адвоката», апологета какой-либо заказной, оплаченной идеи, способного создать правдоподобно выглядящую систему «логически» стройных спекуляций на тему мистики, «доказывающих» разумность существующих социальных порядков.

В эпоху первой всемирной рабовладельческой формации, социально-политическая динамика в разных народах веками протекала по однотипным сценариям: возникновение, расцвет, загнивание, крушение империй. Был очевиден временный характер тиранического превосход-

ства централизованной цивилизации над природной, естественной родоплеменной раздробленностью «окраин ойкумены». Видя несовершенство общественного устройства, но, не находя ответов в имеющемся историческом опыте, некоторые первофилософы Греции фантазировали на темы более комфортных форм общественного бытия, как например, Платон в своих трактатах об Атлантиде, другие абсолютизировали древние нормы общественного устройства как Аристотель в «Афинской полисии».

Еще не имея необходимого исторического материала о понятии и типах формаций, не обладая возможностью проследить и понять **причины** превращения свободной дикости в цивилизованное рабство, не имея представлений о том, как пойдет дальнейшее развитие рабовладения, логика первофилософов грешила сиюминутностью, выборкой (лучших из худших) примеров для подражания, фантазиями, поскольку философы еще не рассматривали факты бытия как следствие развития причин. Поэтому вполне закономерно, что Аристотеля, создателя органа, физики и метафизики, нынешние философы и считают создателем формальной логики, поскольку ни диалектику, ни материализм, ни историзм он не довел до необходимого уровня теоретической детализировки, подобно его первой и второй аналитикам.

В условиях, когда философы материалисты лишь провозглашали желательность движения от незнания и мистики к истине, не представляя к каким последствиям такое целеположение может привести, реальное классическое рабовладельческое общественное бытие, уже бескомпромиссно культивировало не только идеологию консервации массовой безграмотности рабов в качестве говорящих орудий труда, но и «теорию» **этики и эстетики**, т.е. учение о воспитании в простодушиях, духа, якобы, свободных людей, которые считали бы себя **элитой** (по одному лишь факту кровного родства с господствующим ныне этносом), признающей разумность установленных уже порядков и свою **гражданскую ОБЯЗАННОСТЬ** служения своим богам, своим городам-государствам, своему классу аристократов, эксплуататоров больших масс инородцев, иноверцев, а позднее, и земляков. Они еще не понимали, что все сущее разумно лишь в том смысле, что, со времен «законов Хаммурапи» в разработке общественных порядков принимал участие

спекулятивный разум, переполненный эгоизмом и паразитизмом.

Таким образом, относительно свободный поиск истины, некогда позволявший любознательным людям использовать сытое и свободное время для получения интеллектуальных удовольствий от приведения своих знаний об окружающей действительности в адекватное состояние, силой растущего расслоения общества на классы, один из которых был наиболее многочисленным, но наименее образованным, а потому бессильным что-либо понять, поставил лишь идеологов, идеалистов в более сытое, привилегированное положение по отношению к философам материалистам.

А необразованные и потому обманутые массы, в экстазе, созвучном «цветным революциям» 21 века, пошли в храмы на поклон к талантливым краснобаям, мифологам, а не к «бочкам» с материалистами, которые, к тому времени, сами еще ничего не могли объяснить в причинах сложившегося неравенства и путях его преодоления.

В классовом обществе судьбы материалистов и теологов, с житейской точки зрения, становились все более контрастными. Фактические материалисты, такие как, например, Ян Гус, Джордано Бруно, Джулио Ванини, Томмазо Кампанелла, Галилео Галилей самым садистским образом уничтожались на кострах, страдали в пыточных и одиночных камерах, унижались на церковных судилищах, но оставили в наследство «матери-истории» мысли, не утратившие значение и в наши дни, ибо абсолютно **конкретная** качественная определенность законов бытия объективной действительности не оставляет исследователю места для безнравственных маневров, делает исследователя тем результативнее, чем он добросовестнее, точнее стремится отразить в своем сознании объективное бытие.

Наиболее изворотливые теологи, такие как Торквемада, Ришелье, Беркли, Гегель, Мальтус остервенело держались за доходные идеалистические точки зрения, применяли крайние меры насилия к «еретикам» ради бога и... удовлетворения своих самых примитивных материальных, сексуальных, финансовых и властных страстишек. В писаниях высших теологов и религиозных правителей, великий пост, неделя воздержания от гастрономических и половых утех, приравнивается к мукам, принятым Христом на кресте, дескать, он терпел, и мы терпим, хотя, часто, лишь говорили, а не терпели. Да и самого Христа распяли, если верить святому писанию, по настоянию боголюбивых книжников.

Но, каким бы циничным, вездесущим и караю-

щим не было бы господство теологов, какими жестокими не были бы варфоломеевские ночи, откровенным клерикалам от философии, начиная с эпохи Ренессанса пришлось все больше уступать университетские кафедры и вершины гражданской власти реформаторам, гугенотам, протестантам, прагматикам, позитивистам, т.е. проводникам идей вульгарного материализма купцов, ремесленников, цеховиков, владельцев мануфактур, короче говоря, поклонников золотого тельца. Но и здесь мы имеем дело лишь с изощренным идеологическим маневром, поскольку буржуазный хрен, гораздо горше феодальной редьки.

Т.е. как учит диаматика, сложность превращения деятельной, трудолюбивой личности с сильным характером, с развитым чувством сострадания к отверженным, в полноценного марксиста состоит в том, что на это требуется объективно немалое время, в течение которого субъект обязан наполнить свое сознание определенными категориями и усвоить законы мыслительной деятельности, благодаря которым эти категории выстраиваются в динамичные последовательные, причинно-следственные цепочки умозаключений, «ветвление» которых с минимальными, несущественным «погрешностями», называемыми абстракциями, приводят к конкретным истинам. Одна из причин, по которой в списки литературы, настоятельно рекомендуемой к изучению прорывистами, НЕ входят гегелевские «История философии» и «Философия истории» состоит в том, что в них Гегель выступает, прежде всего, **идеологом** разумности существующих порядков, философию сводит к поиску абсолютной истины, а абсолютной истиной считает христианство.

В «Науке логики» Гегель пишет то и так, что, фактически, перечеркивает основные положения своего варианта истории философии и философии истории, которые позволяли ему получать оклад директора гимназии, и вплотную занимается изложением законов мышления, категорий диалектики, гарантирующих достижение исследователем истин, адекватных ходу объективного бытия мироздания.

КАК ТЕОЛОГИЯ МАСКИРУЕТСЯ ПОД ФИЛОСОФИЮ

В толковом словаре **практически** любого языка можно найти расшифровку, подобную этой: «*Филосо́фия* (φιλία — любовь, стремление, жажда + σοφία — мудрость → др.-греч. φιλοσοφία

(дословно: любовь к мудрости)». Однако стремление к чему-то не означает ОБЛАДАНИЯ, т.е. мудрецами не рождаются, ими, «в поте лица своего», иногда, становятся.

За века, прошедшие со времен Фалеса Милетского, взявшегося за создание мудрой картины бытия, и до наших дней, философия обросла значительным количеством страниц, превратилась в сборник авторских учений, порой, конкурентно, иногда комплиментарно чередующихся друг за дружкой во времени, что создало иллюзию «истории» философии.

Но именно плюрализм относительно логического и мистического в этих текстах, т.е. логического и абсурдного в содержании древнегреческой и всей последующей классовой философии, предопределил не развитие, а серию подъемов популярности конкретных авторских взглядов, образование академий, именных школ и их крахов, именно, как направлений философии.

Например, метафизика Аристотеля, придворного учителя, воплотилась в имперских завоеваниях его ученика, была поддержана массами малограмотных греков, но канула на многие века в Лету, вместе со смертью Александра Македонского. В древнем Риме придворный учитель Сенека воспитал Нерона. Кто знаком немного с биографией тщеславного Сенеки, который тоже называл себя философом, тот поймет сколь закономерен был приказ Нерона, отданный Сенеке, чтобы вечный заговорщик, выбрал сам себе способ суицида и привел его в исполнении. Тит Ливий пишет, что и детство Цезаря прошло в окружении лучших педагогов того времени, что он прекрасно ориентировался в древнегреческой литературе, а потому, как и Александр, не мог быть никем, кроме как завоевателем и богом.

Т.е., если взять большинство готовых теорий домарксистского периода, которые принято называть философскими, то наличие в них обязательных мистических, эгоистических и оппортунистических вкраплений, фактически, и на многие века, сделали антологию этих текстов - **идеологией**, которая, периодически, вырождалась в беззастенчивое богословие, в обязательный элемент образовательных систем рабовладельческого, феодального и буржуазного **империализма**. Практически всё, что было отнесено официальной профессурой к философии до Маркса, является, по своей сути, теорией мифофилии.

Терпимое отношение к присутствию мистического и эгоистического в теоретических трактатах, делало эти учения бесполезными, чтобы надеяться на мирный характер эволюции общества. Только с возникновением марксизма все большее количество людей стали понимать, что к войнам, к фашизму, к открытой борьбе за установление или возрождение рабовладения, мир шел не только по воле конкретных Александра Македонского, Нерона, Калигулы, Чингиз-хана, Николая II, Гитлера или Зеленского с Макроном, а в силу объективных законов существования и трансформаций базиса **любого** классового общества, свойств самого господствующего класса и, обслуживающих их надстройки, в которой идеология, т.е. теология преподносилась массам в виде «благородной и таинственной» философии.

После гибели Александра Македонского, стремительного распада его империи, смерти Аристотеля, движение мысли в сколь-нибудь научно-материалистическом варианте **практически** прекратилось во всем мире. Труды римского императора Марка Аврелия тоже трудно отнести к числу философских и ставить рядом, например, с трудами Аристотеля. Это дневники, похожие на дневники Николая II, о себе, любимом, но слегка выходящие за рамки гастрономических, религиозных, чисто семейных и охотничьих рассказов императора всея Руси.

Римский император, Константин, не только не оставил после себя, как и князь Владимир, что-либо для чтения потомкам, а, с момента принятия им христианства, в большинстве стран Европы, постепенно, исключалось из обихода все, что напоминало научное исследование в любой области бытия. Единственной книгой для чтения на долгие века стала Библия. Характерно, что и Римская империя после крещения ее Константином, и Киевская Русь, после крещения ее Владимиром Святым, распались через сто лет. Правда, Киевская Русь распалась на удельные княжества не под ударами гуннов и вандалов как Римская империя, а демократично, т.е. после голосования на Любечском соборе в 1097 году. Но дорога Батью на Русь была открыта.

Владеющие грамотой **европейцы**, на долгие века образовали касту откровенных апологетов единого религиозного мифа, коллективно выработанного и проголосованного на Вселенском соборе. Оформился очередной вариант идеологии

власти, мистических и юридических основ существующих режимов с частной формой отношений собственности, которая обосновывала монополию церкви на помазание правителей на троны и обязанность паствы рабов божьих быть по овечьи покорными небесным и земным господам.

В условия, фактически, подпольного положения науки в эпоху феодализма и инквизиции, содержанием массового общественного сознания являлась безграмотность. В классовом обществе и во времена многобожия, и во времена безраздельного монотеизма, идеология, цинично присвоив себе звание «философии», служила делу консервации классового бытия через консервацию умственной отсталости масс. Церкви было выгодно и то, что большинство императоров, королей были по-настоящему безграмотными или однобоко натасканными кровожадными полководцами, **конкистадорами**.

Так было во времена фараонов, греческих царей, римских императоров, так было и во времена крестовых походов, «географических» открытий и конкисты.

Библия, текст которой вынашивался и редактировался богословами 300 лет, утвержденная в качестве официальной религии римским императором Константином, принятая европейскими массами на веру, веками исправно служила феодалам, спровоцировала верующих на многие крестовые походы, но, под влиянием нарастающих рыночных отношений, постепенно утратила свое гипнотическое воздействие даже на умы крестьян, тем более, купечества, цеховиков и мануфактурщиков, поклонников, прежде всего, «золотого тельца», что и породило реформаторство Мартина Лютера и Яна Гуса, крестьянские войны в Европе.

Спиноза, детально разобравший абсурдность основной массы постулатов Библии, призывал теологов кардинально отредактировать священное писание во имя спасения массовой религиозности. Да и учение Гегеля есть фактическая попытка, изошренностью его диалектики, спасти идею материализации окружающего нас телесного, субстратного мира из абсолютной идеи.

В силу объективных законов развития классовой надстройки, «была бы теза, а антитеза всегда найдется, и не одна», вместо однозначного укрепления религиозности в обществе, «Наука логики» вооружила личных учеников Гегеля,

Клаузевица и Давида Рикардо, методологией исследования вполне земных явлений с более высокой разрешающей способностью, чем категории Аристотеля, методы Декарта и монады Канта. Клаузевиц применил знания элементов гегелевской диалектики к исследованию причин побед в войнах, т.е. победоносных, а потому неподсудных массовых убийств на поле боя, а Рикардо, применив диалектику Гегеля к анализу рыночной экономики, прекратил дальнейшие исследования, придя к выводу о... паразитизме любого капитала.

«Философия» Ницше нашла свое воплощение в Гитлере. «Философские» воззрения Маха способствовали становлению всей фантазмагории эйнштейнианства...

Если же исходить из современного положения вещей в мире, из количества и качества военных конфликтов, откровенных призывов к третьей мировой ракетно-ядерной войне, если учитывать столетия безрезультатных выступлений низов против политики демократических, либеральных и националистических верхов, религиозного терроризма, нарастающей гендерной шизофрении, господствующей в «развитых» рыночных странах, то придется признать, что в сознании большей части человечества сегодня нет «таблиц Брадиса» по научной логике, нет официально признанной теории окончательного сознательного выделения людей из животного мира, как и нет авторитетных философов, способных что-то объяснить и придать действиям людей продуктивное содержание, а мировым процессам характер устойчивого социального прогресса.

Сегодня массам **практически** не к кому обратиться за гарантированно мудрым ответом и советом. «Искусственный интеллект» наполнен или глупостью, или изошренной, совершенно беззастенчивой ложью по всем вопросам обществоведения. Все мировые проблемы массам приходится решать методом тыка штыка в живот оппонента, или (до очередного плебисцита, референдума, выборов президента), руководствоваться мнением эмоционального большинства, при котором и меньшинство, и большинство превращается в жертву собственной философской некомпетентности. В силу такого положения вещей, народные массы и получают себе в пастыри то Горбачева с Ельциным, то Буша с Байденом, то Трампа с Зеленским, то Санду с Каллас и право

ставить тысячи националистических флажков над свежими могилами земляков.

Поэтому, заказную сборную «солянку» из воззрений официальных «философов» всех времен и народов, которую в университетских кругах называют «историей философии», невозможно перевести на русский язык как историю развития **мудрости**. «Философии» классового общества всегда были и оставались **идеологией**, т.е. эклектическим сборником субъективно сформулированных постулатов (с изрядной дозой, исключающих друг друга, мистических догм), служащих каждому историческому классу крупных собственников определенной этнической принадлежности. Множество вариантов философии, каждый из которых строился по эгоистической матрице и не противоречил каждому эксплуататорскому способу производства, системе стихийно сложившихся производственных отношений, не являются случаем проявления мудрости.

Подобно тому, как каракатица во имя выживания меняет и цвет, и узоры на поверхности своего тела, не меняя хищной сущности, подобно этому, «история» всей домарксистской философии — есть оплаченный поиск наиболее удачных риторических «узоров» во имя консервации текущего политического устройства классового общества, или смены одного класса собственников другим, нашедшим более продуктивный способ «стрижки овец», верующих в мистические, националистические, демократические или экономические бредни.

И сколько бы конты, спенсеры и попперы, не пытались наклеить на тома идеалистической ангажированной писанины ярлык «верифицируемой» теории философии, в арсенале общественного научно-теоретического сознания классового общества не было, нет и не может быть единого развивающегося мудрого учения, признанного, хотя бы, самим классом мировой буржуазии, раздираемого непримиримой конкуренцией.

Крестовые походы против иноверцев, «газаваты» правоверных против гяуров, католиков против индейцев, латинос против гринго, арийцев против иудеев, мировые империалистические войны конкурентов, войны между «богатым севером» и «бедным югом», доказывают это.

По крайней мере, в книге «История философии» самому Гегелю приходилось приглушать всю свою диалектичность, чтобы убедить попечительский совет сохранять за ним кафедру и

право читать курс истории, якобы, единой философии.

«В историях других наук, - писал Гегель, - представление об их предмете... вполне ясно; мы знаем, что этим предметом является определенная страна, определенный народ или человеческий род вообще, или определенная наука: математика, физика и т.д., или определенное искусство, например, живопись...».

Как видим, Гегель перечисляет те области теоретических знаний, в основе которых лежат осязаемая качественная объективность.

*«Но наука философии обладает той отличительной чертой, - продолжает Гегель, - ... что сразу же имеют место **различные** воззрения относительно ее понятия, относительно того, что она должна и может давать. Если эта первая предпосылка, представление о предмете философии, оказывается шаткой, то и сама история вообще необходимо окажется чем-то шатким...».*

Вот так, дипломатично, Гегель признал, что история всей наличной «философии» не имеет объективных корней, что она безгранично субъективна и потому является историей сознательных спекуляций с вкраплениями робких диалектико-материалистических догадок, рожденных зачинателями логики, жившими в классовых формациях за счет эксплуатации, как писал Аристотель, «говорящих орудий труда».

*«Но, - пробует выкрутиться Гегель, - указанное невыгодное положение истории философии касается только внешней ее стороны; с этим связан, однако, другой, более глубокий недостаток. Если существуют **различные** понятия о науке философии, то только **истинное** понятие делает для нас возможным понимание произведений тех философов, которые философствовали, исходя из последнего... Можно поэтому быть знакомым с утверждениями, положениями или, если угодно, мнениями философов, можно потратить много труда, чтобы ознакомиться с основаниями этих мнений и дальнейшей разработкой их, и при всех этих стараниях не достигнуть главного, а именно понимания рассматриваемых положений. Нет поэтому недостатка в многотомных и, если*

угодно, ученых историях философии, в которых нет познания самого предмета, на изучение которого положено в них столько труда. Авторы таких историй можно сравнить с животными, прослушавшими все звуки музыкального произведения, но до чувства которых не дошло только одно — гармония этих звуков».

Таким образом, по мнению Гегеля, право на создание своей истории «философии» он получает в силу того, что ВСЯ эта история выложена благими **пожеланиями** «философов» докопаться до истины, а он обещает привнести истину в предмет истории философии. Гегелю кажется, что он обладает монополией на истину, а потому выстроит историю философии научно, а не только хронометрично и персонифицированно.

*«По отношению к философии, более чем по отношению к какой-либо другой науке, указанное обстоятельство делает необходимым предпослать ей **введение** и в нем **правильно** определить сначала предмет, история которого будет излагаться. ...*

*Но на самом деле, если мы **желаем** установить понятие философии, не произвольно, а **научно**, то такое исследование **превращается** в самую науку философии. Ибо своеобразная черта этой науки состоит в том, что в ней ее понятие лишь по-видимому составляет начало, а на самом деле лишь все рассмотрение этой науки есть доказательство и, можно даже сказать, само нахождение этого понятия; понятие есть по существу результат такого рассмотрения».*

Т.е., опять, желаемое выдается за научное поскольку, если очень хочется, то фактическое своебогословие Гегель хочет назвать наукой, отождествляя научный подход с любопытством, т.е. благодаря самому **процессу** исследования через очередную попытку формулирования очередного **понятия** и хронологической расстановки предшествующих непоняток. На этой «методологической основе и вырастает бернштейнианство, для которого важно, чтобы процесс поиска понятия шел, чтобы эти понятия, несмотря на их пестроту, проходили в диссертационных советах под грифом философских и, раз этот процесс идет, люди, называющие себя философами, клепают диссертации на темы философских понятий, значит фи-

лософия существует, она научна и у нее есть история.

Гегель верно описал шаткое положение историков «философии», но то, что подход самого Гегеля **научный**, это ему показалось. На само деле, «История философии» Гегеля лишь очередной вариант ее изложения с элементами нарушения его собственных исходных постулатов, очередная попытка впрячь в повозку «коня и трепетную лань», «лебедя, рака и щуку». У него получилось, что история философии не столько процесс развития **отражения** эволюции и скачков в истории объективной действительности, в наиболее общих понятиях и категориях через отрицание содержания прежних вариантов этих же категорий, порожденное тенденциями **объективного** отрицания предыдущих форм общественного бытия, сколько процесс, типичный для субъективной логики Гегеля: поэтапное саморазвития **понятия** из себя и для себя самого. Именно поэтому в реальных исторических вариантах философий, рожденных в классовых формациях, «развитие» получают и мистические «понятия», и фантазмагории космологии. Все более смертельно ошибочными становятся заблуждения.

Нельзя назвать развитием философии накоплением вариантов экзистенциализма, позитивизма, эмпириокритицизма, вся премудрость которых заключается в росте объемов и степени наглости попыток, доказать **несостоятельность** человеческого познания, в крайнем случае, его абсолютную относительность.

Чтобы сохранить за собой кафедру, Гегель нашел удачный спекулятивный ход, позволяющий рассматривать все потоки философского сознания в качестве истории «философии», в которой «философы» бьются над поиском истинных понятий, каждое из которых, хотя и имеет множество иных беспринципных, спекулятивных толкований, есть ее история. На самом деле, история «философии» классового общества представляет собой цепь уточнения и дополнения... прежних заблуждений, новыми, более грандиозными.

Многовековой плюрализм различных официальных «философий» означает, что в классовом обществе, состоящем из обманутого большинства и меньшинства обманщиков, создать единый набор мировоззренческих понятий, категорий, ответов на вопрос: «что такое хорошо», признанных всеми слоями этого общества — задача, не

имеющая решения. Как только нарождались все самые объективные предпосылки к становлению нового класса более эффективных эксплуататоров, или ощутимо менялась форма социальных отношений, сменялась и форма, приемы господства меньшинства над большинством, а в надстройке услужливо появлялась очередная «философия», «доказывающая» вновь обманутому большинству «рациональность», «необходимость», «вечность» произошедших изменений, их естественный и прогрессивный характер. Поэтому история «философий», при сменяющих друг друга классовых формациях, способна быть только «сборной солянкой», состоящей из оплаченной лжи, искренних заблуждений (хотели как лучше) и гениальных вкраплений, не получивших развития, официального признания и практического применения.

Каждый из известных вариантов «философии» до Маркса, в лучшем случае, есть беспринципная мешанина из невольных ошибок, сознательных спекуляций, проплаченной лжи и нежелательных «байстрюков» - случайных истин. Многовековая история «философии» доказала, что в классовых формациях возможна единая механика, химия, математика, но невозможна единая философия, т.е. философия вообще. Однако, если невозможна, но очень нужна, то необходимое количество философов, физиков, писателей, журналистов будет поставлена на довольствие господствующего класса, на «гранты» с правом двигаться вправо, вплоть до оправдания концепции сингулярности и «бо-о-о-льшого взрыва» в физике, мировых войн и фашизма в политике, без права на шаг влево, т.е. на побег из «королевства» частнособственнических зеркал.

Поскольку Гегель, по исходным постулатам своей философии был идеалистом, а все материальное было лишь омертвевшими отходами развития всемирного духа, наглядным пособием для иллюстрации движения мысли самого Гегеля, а не источником движения всего и вся, в том числе, мысли, постольку Гегель не смог определить ту действительную причину, которая делает все эти противоположные «философии» тождественными, едиными, не антагонистически конкурирующих между собой, но и не отрицающими друг

друга, т.е. не развивающимися, а бодро шагающими на месте.

В этом все домарксистские философские школы едины и поэтому их история есть история борьбы за сознательное торможение развития МАТЕРИАЛИЗМА в философии, особенно в ее методе, в диалектике. Любая буржуазная история есть лишь буржуазный исторический сборник просеянных и тенденциозно интерпретированных ЛЕТОПИСЕЙ, который или ничему прогрессивному не учит вообще, как любая опись имущества в служебном кабинете, или дискредитирует, искажает, опошляет цепь исторических событий комментариями заинтересованных лиц, во имя укрепления святости веры в любого следующего бога и в любую следующую форму частной собственности.

Строго говоря, все существовавшие до Маркса образцы «философии» являлись устроительством, аналогичным тому, которое устанавливается в двигателе во время его «обкатки», чтобы, уменьшить количество оборотов «коленвала истории» в единицу времени, чтобы ехать, как можно медленнее к цели, под названием коммунизм.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Если обозначить субъективные вехи смены исторических типов идеологии, означавших завершение истории формации определенного типа, то «Книгу мертвых» придется считать концом истории первобытного коммунизма с его стихийным бытовым материализмом, павшим под ударами мистицизма.

Книга Аристотеля «Метафизика» есть конец классической рабовладельческой «философии».

Книга Спинозы «Теолого-политический трактат» есть конец классической феодальной теологии.

Книга Фейербаха «Сущность христианства» является концом классической буржуазной «философии».

Книга Маркса «Критика политической экономии. Капитал» есть начало эры прогрессивного развития в истории всего человечества.

Май 2025

ПОЛИТИКА

КНИГА,

ИЗМЕНИВШАЯ МИР

Бронислав

Даже самый придирчивый критик, самый мнительный скептик не способен, не солгав самому себе, не признать могущество человеческого разума, когда на свет появляются Гении, разделяющие историю науки и культуры на «до и после». Однако если в области частных наук и всевозможных видов искусств природа щедра на гениальность, то в области общественной мысли и тем более философии ее скупости может позавидовать самый хитрый из «шейлоков». Следствием подобной диспропорции является тот факт, что человечество, богатое естественнонаучными и техническими открытиями, шедеврами живописи и литературы, тысячелетиями «на ощупь» шло к светлому будущему, скрытому от интеллектуальных «глаз» завесой врожденного невежества и приобретенно-унаследованной подлости, спотыкаясь об кровавые войны и перевороты, не понимая, как сменить периодическую катастрофичность перманентной гармонией, как создать наиболее благоприятные условия для качественного развития врожденных созидательных и творческих задатков. Пробираясь через густые заросли варварства, стихийно преодолевая людоедство, вынужденно изучая отдельные, частные законы природы, общества и мышления, человечество в эпоху бурного развития европейского капитализма породило в своих недрах двух Гениев, чье значение для успешного воцарения добра и счастья на планете невозможно переоценить. Действуя в условиях феодально-капиталистического рабства, они не сразу, но достаточно быстро (по историческим меркам) открыли метод, позволивший им произвести снятие господствующей глупости последовательно научным мировоззрением, позволивший им познать объективную необходимость общественного развития

— знание, до того момента неизвестное. Смутные, стихийные догадки материалистов и диалектиков прошлого превратились в строгую систему научных истин, систему, бросившую вызов всем существующим человеконенавистническим устоям и концепциям. Несмотря на порой невыносимые условия существования, на козни врагов и предательство друзей, они стремительно покорили интеллектуальный олимп, добросовестно систематизировав достижения всего человечества и открыв людям Истину, путь к настоящему, а не выдуманному бесстыдными шаманами и жрецами спасению. Истиной этой являлось то научное мировоззрение, которое мы, их последователи, зовем диаматикой, или методологией правильного, верно отражающего действительность мышления. Главной же книгой, в которой был изложен и применен диаматический метод, и по сей день является много кому известный, но до сих пор мало кому понятный «Капитал». Как писал Ленин:

«Если Марх не оставил “Логики” (с большой буквы), то он оставил логику „Капитала”... В „Капитале” применена к одной науке логика, диалектика и теория познания... материализма...»¹

Появление и распространение этой книги ознаменовало достижение качественно нового этапа в области человеческого познания объективной реальности. Впоследствии именно марксистские научно-теоретические принципы подготовили наступление коммунистической эпохи и были применены в практике первого в истории коммунистического государства, ленинско-сталинского Советского Союза. Марксом впервые в истории были научно изложены основы внеполитического, вненасильного пути расширения

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 29. С. 301.

ного воспроизводства всего общества, воспроизводства счастья, добра, любви, красоты, истины... и попутного уничтожения предпосылок и последствий зла, подлости, невежества. Изучив на обширном конкретном материале диалектику производственных отношений и производительных сил, открыв сущность классового общества, он сформулировал основы общества бесклассового, организованного согласно объективной необходимости его расширенного воспроизводства. Ответив на общий вопрос, ему удалось ответить и на вопросы частные. Тем самым книга Маркса подвела научный фундамент под категориальный аппарат философии и обществоведения, превратив приятные слуху слова в строгие научные категории: именно благодаря ему такие давно известные понятия, как прогресс, равенство, счастье, богатство и, конечно, коммунизм, приобрели научную, единственно верную трактовку.

Решая великую загадку человечества «Способны ли люди построить идеальное общество?», Маркс при помощи усилий Ленина, Сталина и великого советского народа ответил на этот вопрос утвердительно. Антисхоластическое, но преимущественно абстрактное высказывание Бэкона «Знание — сила» на примере ленинско-сталинского СССР приобрело конкретное и единственно верное содержание. Наивные гипотезы утопистов прошлого, всевозможные Атлантиды и фаланги, Икарии и Солярии сменились вполне реальными Москвой и Ленинградом, Обнинском и Магнитогорском. Мечта стала явью, но только благодаря ответственному, фундаментальному подходу, превосходно продемонстрированному в первую очередь именно в «Капитале». Книга эта, ставшая, по меткому выражению самого Маркса, «самым страшным снарядом, пущенным в голову буржуазии», составила эпоху в истории борьбы разумного с иррациональным, человеческого с животным, созидательного с разрушительным, порядка с хаосом, монизма с плюрализмом, централизма с демократизмом. Именно этой книгой в действительности была установлена новая, доселе неподъемная ступень в развитии качеств отражения человеческим мышлением вечно изменяющихся форм бытия материи, позволяющая говорить о конце домарксовской эпохи человечества и мышления.

Заметить черты гениальности можно уже в

предисловиях и послесловиях к различным изданиям «Капитала», где сначала Маркс, а затем (после смерти друга) и Энгельс вводят читателя в курс дела. К сожалению, среди многих современных буквоедов существует негласное правило, согласно которому предисловие к той или иной книге является не более чем данью писателя некой литературной традиции. Складывается представление, будто бы познавательные потери от проигнорированного предисловия в результате с лихвой отбиваются сэкономленным на его вдумчивом изучении временем. Стоит, правда, признать, что во многих случаях такое неуважительное поведение закономерно, ибо само по себе развитие книгопечатания и возникновение более легких для распространения литературного материала инструментов в основном не привело к росту качества книг. Наоборот, во многих областях человеческого знания наблюдаются обратные процессы: увеличение количества доступных способов написания и распространения материала вкупе с увеличением числа писателей ведет к падению относительного числа качественных продуктов человеческого научного и художественного литературного творчества, к падению качества печатного слова: предисловия начинают носить формальный характер. Отчасти вина за подобное негласное правило лежит на плечах самих авторов, пользующихся доверием читателей для банального формализма и доктринерства; лень и малограмотность авторов приводит к тому, что добрая традиция грамотного предисловия как формы введения читателя в контекст исследуемой проблематики сменяется чистой формальностью. И если относительно отдельной беллетристики и псевдонаучной метафизики подобное игнорирование оправданно, то при знакомстве любознательного читателя с марксистской литературой этот сформированный стереотип поведения может сыграть злую шутку в процессе ознакомления с предисловиями классиков марксизма, которые использовали формат предисловия не только для корректирующих редакционных реплик с указанием, скажем, редакторского вмешательства на отдельных страницах книги, но и для изложения научных идей, позволяющих более легко войти в контекст изучаемого вопроса, интенсифицировать процесс «интеллектуальной ассимиляции», подготовиться к работе с текстом или даже узнать интересные факты, сопровождавшие написание и публикацию книги. Вот и

предисловия к «Капиталу» содержат местами не меньшее, а то и большее научное значение, чем отдельные фрагменты самого «Капитала». В предисловиях Маркс (а после его смерти и Энгельс) изложил свои отдельные мысли по вопросам, не всегда связанным с критикой политической экономии, но всегда связанным с особенностями научного познания мира.

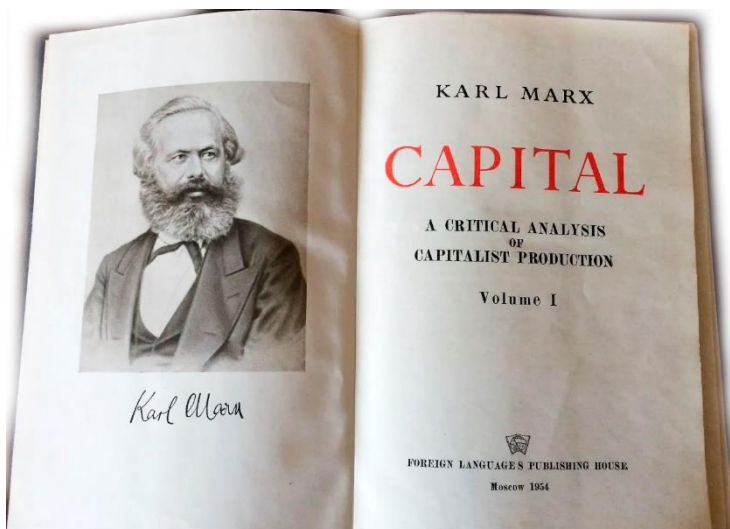
Вместе с тем «Капитал» Маркса (в особенности первый том) — эталон единства научного содержания и высокохудожественной формы. Нет ничего удивительного в том, что иной талантливый с литературной точки зрения ученый способен восхитить читателя не только содержательностью, глубиной своего открытия, но и красотой его изложения. Высокая художественность текста, конечно, не гарантирует напрямую научность его содержания, однако вне высокой художественной формы сложно говорить о росте доступности научного содержания, о повышении вовлеченности читателя в исследуемую проблему. Ведь степень доступности научного знания для интересующихся определяется

не только их познавательными способностями, интеллектуальным потенциалом и усидчивостью, но нередко и литературными навыками самого ученого, способного удержать внимание как можно большего количества читателей. **Существенная доля ответственности за качество просвещения лежит на самих просветителях, на тех, кто по собственной инициативе взвалил на свои плечи обязанности по актуализации и распространению научного знания.** Именно поэтому современным марксистам стоит крайне внимательно отнестись не только к познанию изложенных Марксом истин и анализу метода их открытия, но и к «художественному

опыту» «Капитала»². При этом, конечно, нельзя забывать о вторичности формы в соотношении с содержанием: настоящий коммунист обязан заботиться о художественной форме своего научного творчества только тогда, когда содержательная сторона вопроса понята им самим и включает в себя истины разных порядков. К примеру, Маркс, стараясь, с одной стороны, писать понятно и красиво, с другой — не примитивизировал научное содержание, не опускался до уровня «агитации в подворотне», не вульгаризировал марксизм, подобно некоторым современным гражданам, называющим себя коммунистами³.

Кроме того, даже при поверхностном ознакомлении с «Капиталом» в глаза бросается объем труда: три тома в пяти книгах с добавленным, составленным Каутским четвертым томом в трех книгах («Теории прибавочной стоимости»). А ведь Маркс планировал написать целых шесть томов! Такой ответственный подход является следствием применения диалектической методологии мышления к анализу изменения разнообразных форм бытия мате-

рии, в частности, к изучению сущности товарно-денежных отношений, но никак не признаком бессодержательной графомании, как это иногда пытаются (правда, безуспешно) представить разнообразные лакеи капитализма⁴. Именно диалектический подход к исследованию общества и его особенностей позволил Марксу так глубоко, так конкретно и фундаментально изучить сущность товара, стоимости, денег, прибыли, капитала, заработной платы и т. д. Свою роль сыграла, конечно, и научная добросовестность Маркса, не позволившая ему опубликовать первый том своего труда раньше, чем тот достиг предельно высокого качества, то есть после того как сам Маркс убедился в

² См., например, Орлеанский А. И. Художественные образы в «Капитале» К. Маркса, 1968 г.

³ Газета «Прорывист», «Желание получить прямо в рот жареных рябчиков» (<https://prorivists.org/doc/lenin-lengnik-1903/>).

⁴ Никита Кричевский: Маркс — графоман от экономики! (<https://www.kp.ru/daily/26826.7/3864796/>).

том, что его работа сможет убедить думающих левых по всему миру в правильности его научно-теоретических выводов. Остается сожалеть, что здоровье Геня, существующее в рамках отвратительного, разлагающего душу и тело капитализма, не позволило ему довершить запланированные шесть томов. Однако, к счастью, дело Маркса продолжил его близкий друг и соратник Фридрих Энгельс⁵, составивший и выпустивший второй и третий тома «Капитала». Ленин писал:

«Маркс умер, не успев окончательно обработать свой огромный труд о капитале. Вчерне, однако, он был уже готов, и вот Энгельс после смерти друга принялся за тяжелый труд обработки и издания II и III тома “Капитала”. В 1885 г. он издал II, в 1894 г. III том (IV том он не успел обработать). Работы над этими двумя томами потребовалось очень много. Австрийский социал-демократ Адлер верно заметил, что изданием II и III томов “Капитала” Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома “Капитала” — труд двоих: Маркса и Энгельса»⁶.

К слову, взглянув на обложку книги, сложно не заметить на ней исключительно имя Карла Маркса, однако невозможно не подчеркнуть вслед за Владимиром Ильичом ту роль в создании и публикации «Капитала», которую играл ближайший друг и товарищ Маркса, Фридрих Энгельс. Даже людям, далеким от марксизма, хорошо известно, что Энгельс оказывал своему гениальному другу не только морально-психологическую, но и финансовую поддержку⁷. Поэтому нет ничего удивительного, что, обращаясь к своему другу сразу после окончания работы над первым томом, Маркс написал следующие слова: *«Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это стало возможным!»* Но Маркс не ограничивался подобной формой благодарности,

прибегая к более основательным методам, чтобы сказать другу спасибо. Это подтверждается, например, высказанным Марксом предложением написать Энгельсу статью о военной, или, как он выразился, «человекоубойной» промышленности, чтобы поместить ее в книгу в качестве приложения:

«Наша теория об определении организации труда средствами производства нигде так блестяще не подтверждается, как в человекоубойной промышленности [Menschenabschlachtungsindustrie]. Право, стоило бы, чтобы ты написал об этом что-нибудь (у меня для этого не хватает знаний), что я мог бы за твоей подписью включить в мою книгу в виде приложения. Подумай об этом. Но если это делать, то надо делать для первого тома, где я эту тему исследую ex professo [специально]. Ты понимаешь, какой большой радостью было бы для меня, если бы и в моем главном труде (до сих пор я писал только небольшие вещи) ты фигурировал непосредственно в качестве соавтора, а не только цитировался!»

Сколько дружеской любви и признательности в этих прекрасных словах немецкого Геня! И каков формальный повод для неформального выражения благодарности!? И даже несмотря на то, что замысел Маркса не был осуществлен, направление его мысли ясно показывает, насколько доверительными и теплыми были отношения двух друзей. Энгельс, как уже указывалось выше, после смерти друга продолжил дело популяризации марксизма, дело, которое позже перехватили другие выдающиеся последователи Маркса, Владимир Ильич Ленин и Иосиф Виссарионович Сталин.

Стоит также отметить, что первое время после публикации «Капитала» буржуазными учеными была предпринята попытка замолчать книгу, однако для классиков марксизма подобное стечение обстоятельств не было удивительным:

⁵ «Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе. Энгельс всегда — и, в общем, совершенно справедливо — ставил себя позади Маркса. “При Марксе, — писал он одному старому приятелю, — я играл вторую скрипку”. Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего

были беспредельны. Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 12).

⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 12.

⁷ «Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить “Капитала”, но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 49).

дело в том, что они предполагали, что буржуазная профессура, как огня страшаясь революционных идей, предпримет все возможное для того, чтобы выход в свет книги, несущей угрозу капитализму, рынку и частной собственности, остался незамеченным для широкой публики. Стремясь разрушить подлые планы антикоммунистов, Энгельс предложил нанести им превентивный удар⁸, напав на книгу «с буржуазной точки зрения»⁹. Впоследствии Маркс и Энгельс просили своих товарищей писать и/или распространять рецензии на «Капитал» для того, чтобы у антикоммунистически настроенных «ученых» не получилось замолчать публикацию первого издания. Так, в письме к одному из своих ближайших сторонников Людвигу Кугельману осенью 1967 года, уже после выхода книги в свет, Энгельс писал:

«Главное заключается не в том, что и как писать, а в том, чтобы о книге заговорили и чтобы Фаухеры, Михаэлисы, Рошеры и Рау были вынуждены высказаться о ней. Публиковать надо по возможности во всех газетах, — и в политических, и в прочих, в каких только удастся, — публиковать и длинные, и короткие заметки, главное — чаще. Необходимо сделать для них невозможной — и притом, как можно скорее — ту политику полного замалчивания, которую эти господа, наверняка, попытаются проводить»¹⁰.

Спустя пару недель он в новом письме ко все тому же Кугельману писал:

«Немецкая пресса все еще молчит о “Капитале”, а между тем чрезвычайно важно, чтобы что-нибудь было сказано... Главное заключается в том, чтобы вообще о книге все время давались отзывы. А так как в данном случае у Маркса руки связаны и к тому же он застенчив, как девушка, то именно мы, остальные, должны сделать это»¹¹.

Именно с этой целью Энгельсом и был написан целый ряд анонимных рецензий с различных позиций (в зависимости от идеологической направленности того издания, куда рецензии отправлялись), преследующих цель привлечения внимания читающей общественности к книге¹². Энгельсом был написан также конспект «Капитала», скорее всего, рассчитанный на популяризацию положений книги и несомненно позволивший самому Энгельсу более глубоко и обстоятельно усвоить содержание великого творения¹³. В любом случае задача, которую ставили перед собой классики марксизма, была частично выполнена: выход «Капитала» не остался незамеченным большим числом не только интеллигенции, но и простых рабочих. Маркс в своем послесловии ко второму изданию писал:

«Понимание, которое быстро встретил “Капитал” в широких кругах немецкого рабочего класса, есть лучшая награда за мой труд»¹⁴.

«Заговор молчания» был нарушен печально известным Евгением Дюрингом, написавшим специальную критическую рецензию на «Капитал». В своем письме, адресованном Людвигу Кугельману, Маркс писал:

«Я должен быть благодарен этому человеку за то, что он первый из специалистов вообще заговорил о моей книге»¹⁵.

Методологическая слабость оппонентов Маркса, не позволявшая им противопоставить открытиям Маркса нечто достойное, заставляла их иногда прибегать к низким методам полемики¹⁶. Так, спустя некоторое время после выхода первого тома известность приобрела история, когда некий анонимный автор обвинил Маркса в фальсификации цитат из официальных английских источников. Впоследствии выяснилось, во-первых, что этим анонимным автором являлся не кто иной, как Луйо Brentano, и, во-вторых, что все

⁸ Ранее, после выхода «К критике политической экономии», Энгельс уже опробовал этот метод, написав пару рецензий на указанную работу Маркса.

⁹ Собрание сочинений Маркса и Энгельса. 2-е изд. Т. 31. С. 293.

¹⁰ Собрание сочинений Маркса и Энгельса. 2-е изд. Т. 31. С. 471.

¹¹ Собрание сочинений Маркса и Энгельса. 2-е изд. Т. 31. С. 475.

¹² Собрание сочинений Маркса и Энгельса. 2-е изд. Т. 16. С. 211-223, 231-248, 299-322.

¹³ Собрание сочинений Маркса и Энгельса. 2-е изд. Т. 16. С. 249-298.

¹⁴ Собрание сочинений Маркса и Энгельса. 2-е изд. Т. 23. С. 13.

¹⁵ Собрание сочинений Маркса и Энгельса. 2-е изд. Т. 32. С. 448.

¹⁶ Более подробно см. Уроева А. В. Книга, живущая в веках. С. 45-48.

обвинения в сторону Маркса ложны¹⁷. Но помимо зависти и клеветы были и положительные, даже восторженные отзывы. Вот что после выхода книги писал Арнольд Руге, большую часть жизни оппонирующий Марксу с мелкобуржуазных позиций:

«Уважаемый г-н Штейнталь! Одновременно с этим письмом я отправляю Вам бандеролью книгу Маркса о капитале. Приношу Вам мою глубокую благодарность! Все это время я неустойчиво работал над книгой, хотя наряду с этим мне приходилось заниматься и всевозможной другой работой. Это произведение делает эпоху; оно проливает яркий, нередко резкий свет на развитие, гибель, родовые муки и страшные дни страданий общества в различные периоды. <...> Маркс обладает обширной эрудицией и великолепным диалектическим талантом. Книга выходит за пределы кругозора многих людей и газетных писак, но она, несомненно, пробьет себе дорогу и, несмотря на широту исследования, даже как раз благодаря ему, окажет могучее воздействие»¹⁸.

Схожую оценку «Капиталу» дал и упомянутый уже неоднократно Людвиг Кугельман, писавший Мейснеру, издавшему первый том книги, следующее:

«“Капитал” Маркса можно поставить рядом с прославленными трудами мыслителей всех веков. Наступит день, когда эта дата [выхода книги] станет рубежом новой эпохи»¹⁹.

Первый тираж в 1000 экземпляров был раскуплен в течение пяти лет²⁰. В относительно короткие сроки были подготовлены переводы книги на русский²¹ и французский языки. Однако понастоящему так называемый «заговор молчания» был «разоблачен» только в 20—50-е годы двадцатого века, когда теоретические выкладки стали «руководством к действию», когда российские

рабочие, направляемые большевистской партией, начали крайне успешно воплощать идеи «Капитала» на отечественной почве. Хорошо осознавая те убытки, что несет с собой «Капитал», столкнувшись лицом к лицу с красной угрозой после грандиозной победы сначала в гражданской, а затем и во второй мировой, буржуазия начала активно и централизованно финансировать всевозможные русские центры и институты, с одной стороны, изучающие советский опыт, с другой — фальсифицирующие основы марксистской теории и результаты их реализации в СССР. Большая же часть западной интеллигенции, в силу исторически сформировавшейся инертности и бессовестности, оказалась не готова к пониманию марксизма, ограничившись либо стыдливой и пустой критикой, либо открытым и претенциозным отрицанием марксизма как науки; но даже они не сумели проигнорировать всемирное значение совершенного Марксом открытия. Таким образом, практически никому не удалось пройти мимо, но лишь единицы сумели познать суть учения марксизма, грамотно развить его в теории и успешно применив на практике.

Тайна величия «Капитала» сокрыта также и в полном названии книги. Дело в том, что не только левые обыватели, но и многие из тех, кто действительно внимательно изучал наследие Маркса, зачастую упускали из вида, что полное название книги — **«Капитал. Критика политической экономии»**. Но почему Маркс назвал книгу именно так? Ответ дан в самом «Капитале», особенно в последних двух главах, подводящих итог проведенному в предшествующих главах исследованию: отдельные классики политэкономии в лице в первую очередь Монкретьена и Петти, изучая экономические отношения из корыстных, а не научных интересов, пришли к правильному выводу о том, что экономическое господство неосуществимо вне отношений политического насилия, что существование современных им экономических отношений возможно только на базе

¹⁷ См.: Энгельс Ф., Брентано contra Маркс, Маркс К. и Энгельс Ф. 2-е изд. Т. 22; его же. Предисловие к четвертому изданию, там же. Т. 23. С. 35–40.

¹⁸ Собрание сочинений Маркса и Энгельса. 2-е изд. Т. 32. С. 582, 583.

¹⁹ Уроева А. В. Книга, живущая в веках. С. 49.

²⁰ Вопросы истории. 1953. №5. С. 125.

²¹ Как известно, первым иностранным языком, на который «Капитал» был переведен, являлся русский язык. Символично, что именно в России в конце XIX и начале XX века

выводы из книги Маркса были сделаны наиболее последовательно и научно, что именно Россия стала первой страной, прикоснувшейся к будущему, что именно Россия на десятилетия стала форпостом коммунистической революции. Именно русскоговорящие последователи Маркса добились наивысших успехов в деле строительства коммунизма, на которые и по сей день с переменным успехом ориентируются корейские, кубинские, китайские, вьетнамские товарищи.

развитого государственно-формального и частно-неформального аппарата подавления воли несогласных. Именно поэтому молодой науке и было дано название *ПОЛИТИЧЕСКАЯ* экономия. К слову, тот же Петти, являясь одним из проводников *ПОЛИТИЧЕСКОЙ* власти Англии на территории Ирландии, не стеснялся давать следующие советы по более эффективному осуществлению колониальной политики в интересах экономической целесообразности:

«Ирландия — это страна, требующая содержания в ней такой большой армии, которая могла бы заставить ирландцев отказаться от нанесения вреда себе самим и англичанам дальнейшими своими восстаниями. И эта большая армия должна вызывать наложение больших и тяжелых налогов на

бедный народ и разоренную страну. Поэтому для Ирландии отнюдь не бесполезно будет знать природу и размеры налогов и сборов. <...> Большое изобилие, имеющееся в Ирландии, лишь разорит ее, если не будет найден способ наладить выгодный вывоз; таковой же будет зависеть от надлежащих размеров пошлин и акцизов, о которых пойдет речь. Так как Ирландия в целом имеет недостаточное население и так как правительство здесь никогда не будет в безопасности без наличия дорогостоящих армий до тех пор, пока большая часть населения не будет состоять из англичан вследствие ли привоза их или высылки ирландцев, то я думаю, что лучшим поощрением для англичан к переселению их сюда было бы осведомление о том, что королевский доход составляет свыше одной десятой части всего богатства, всех рент и дохода страны, что государственные расходы в ближайшем столетии не будут чувствоваться в Ирландии тяжелее, чем

десятина в Англии, и что, по мере того как доходы короля будут возрастать, причины его расходов будут соответственно уменьшаться; а это — двойная выгода»²².

Будучи добросовестным исследователем, Маркс пришел к выводу, что и политическое, и экономическое (фактически эгоистическое) есть лишь исторически сложившееся и закрепленное

(заинтересованными лицами) проявление человеческой глупости. История развития классового общества представляет собой историю взаимонаправленного и перманентного политического насилия экономических конкурентов вне зависимости от цвета кожи, вероисповедания, языка, пола, класса, вкусов и т. д. Владение частной собственностью вынуждало ее владельцев ис-

кать политические, т. е. насильственные, инструменты для ее защиты и/или приумножения. Экономическое господство было возможно только благодаря подлой сообразительности тех, кто в политическом насилии увидел инструмент завоевания и удержания реальной, а не формально-институциональной власти. К сожалению, современные левые, ломающие копья вокруг «марксистской политэкономии» и высчитывания степени товарности советской экономики, играют по правилам буржуазии, упуская из виду принципиальную разницу между буржуазными, *ПОЛИТИЧЕСКИМИ* экономическими теориями и коммунистической теорией расширенного воспроизводства общества, предполагающей снятие внешнего *ПОДАВЛЕНИЯ* диалектически понятым *САМОУПРАВЛЕНИЕМ*. Большая часть современных начинающих марксистов изучают не сам «Капитал», а то, как его поняли Дзарасовы, Бузгалины, Поповы, Комоловы и другие представители современного оппортунизма, всей своей партийно-политической карьерой, всеми своими действиями и трудами доказавшие, что они не поняли

²² Петти В. Экономические и статистические работы. Т. 1. С. 4-5.

Маркса, что они мимикрируют под марксистов, являясь при этом латентными представителями современной буржуазной интеллигенции, современными меньшевиками и «экономистами». Следствием же подобного стечения обстоятельств стал целый ряд поражений, понесенных отечественным коммунистическим движением с момента смерти Сталина. Вдобавок к этому мы вынуждены признать, что на территории бывшего СССР практически утеряна большевистская традиция добросовестной, трудолюбивой публицистической работы с марксистской теорией. На данный момент *единственными марксистскими изданиями*²³, указывающими своим авторам, сторонникам и читателям на принципиальную важность изучения и реферирования классических произведений марксизма, и в особенности «Капитала», являются журнал «Прорыв» и газета «Прорывист»:

«Журнал “Прорыв” проводит научно-теоретическую конференцию по книге К. Маркса “Критика политической экономики. Капитал”. Тема конференции: “Книга Маркса как диалектическая система научно-теоретических формулировок объективных законов строительства коммунизма”. Рефераты, раскрывающие данную тему, присылать в редакцию журнала

“Прорыв” (petrova@proriv.ru) в электронном виде, начиная с 1 февраля и до 5 мая 2025 года включительно. Публикация сборника и рассылка бумажного варианта авторам состоится 7 ноября 2025 года. Редакция журнала “Прорыв”».

Следовательно, не желая идти против истины, каждый, желающий повторить подвиг предков-коммунистов, должен, по мере сил и времени, не боясь усталости, добросовестно, внимательно, трудолюбиво, «с карандашиком» изучить все тома «Капитала», реферируя и/или конспектируя важные и заинтересовавшие фрагменты, ибо покорение «каменистых троп» марксизма невозможно вне изучения его главной книги. Классики собственноручно выковали из себя Вождей, став величайшими людьми в истории, а потому, пока современные последователи Маркса не начнут учиться самостоятельно, так, как это делали классики, пока они ясно не осознают и не поймут, что единственный инструмент победы — повторение теоретических и практических подвигов на качественно новом уровне, — до тех самых пор капитализм продолжит вырождаться, угрожая человечеству полным уничтожением. Иными словами, **невозможно говорить о БУДУЩЕМ изменении мира без предварительного добросовестного изучения-реферирования книги, УЖЕ изменившей мир.**

Апрель 2025

Продолжение следует...

²³ Существуют и другие издания, изучающие «Капитал» и позиционирующие себя как марксистские, но на деле являющиеся антикоммунистическими и троцкистскими. См., например, «Lenin Crew».

ПОЛИТИКА

Об основных причинах возникновения и некоторых путях преодоления разногласий в системах научного централизма

Анатолий РЕДИН

Левые уверены, что разногласия — это хорошо. Они, мол, перетекают в дискуссию, спор, в котором и рождается истина. Как бы не так. Ни одна истина не родилась в споре. Истина достигается в результате кропотливого научного исследования. Противопоставление мнений, гипотез, концепций, предположений является лишь элементом научного исследования. Если истина и рождается в споре, то только в споре с самим собой.

Так что, если разногласие получило развитие, это лишь доказывает научную незрелость коллектива. Если разногласия перетекают в споры — то и организационную незрелость.

Притом сами по себе разногласия неизбежны, вопрос в том, как с ними быть. И самое главное: почему разногласие перерастает в спор, склоку, конфликт? Причина может быть только одна — организационный оппортунизм.

В редких случаях организационный оппортунизм — это сознательная диверсия вражеской агентуры. Обычно же это банальное приспособление взглядов, поступков и деятельности в коллективе под некоторое удобство. А удобство продиктовано двумя вещами. Во-первых, мелкобуржуазной психологией, или, можно сказать, контрреволюционными сторонами характера, которые возникают, если себя не контролировать, не пере-

учивать, не перевоспитывать. Во-вторых, объективными условиями буржуазного общества, в которых существует оппортунист, или, говоря проще, выгодой, интересами, страстями человека.

Таким образом в большинстве случаев и проявляется классовая сущность организационного оппортунизма.

Это легко наблюдать по многочисленным сообществам леваков. Организационный оппортунизм типичных группирующихся левых не позволяет им перестать быть продуктом капиталистического общества. На каждом крутом политическом витке капитализм как бы плодоносит молодыми левыми. Они сбиваются в коллективы, что-то изучают, обсуждают, пытаются играть в классовую борьбу, при этом не желая относиться к коммунизму серьезно. Вся их активность выглядит скорее как увлечение, хобби. Затем их энтузиазм затухает, они в большинстве разбегаются. Если же формируется что-то более-менее устойчивое, организационно значимое, то буржуазные силы опосредуют такие группы. Затем новая волна и всё повторяется вновь. Даже наиболее крепкие и последовательные левые оказываются не способными сформировать хотя бы зачаток партии большевистского типа. В основном как раз из-за организационного оппортунизма.

Несмотря на то, что **некоторые аспекты бытия даже при капитализме содержат зачатки коммунизма, формы отношений между людьми, стихийно возникающие в любом классовом обществе, в полной мере не отвечают требованиям коммунистической партийной организации.** Они имеют родовые пятна, традиции и привычки рабства и торгашества. Именно поэтому после научного открытия Марксом неизбежности **коммунизма организационный вопрос объективно стал главным в марксизме.** Классовая борьба лишь тогда становится победной, когда люди правильно организованы, прежде всего в партию. Это наглядное проявление понятного каждому закону человеческой деятельности: сначала необходимо поставить цель (коммунизм), затем выработать методы и средства её достижения (организованный партией рабочий класс пролетариат, его диктатура).

Ленин и Сталин — гении революции — первоначально использовали выработанные при царизме революционным, демократическим движением формы отношений как внутри пролетариата, так и внутри партии. В первом случае — это стихийно сложившаяся форма Советов, во втором — демократический централизм (выборность руководства, принятие решений голосованием, уставная дисциплина с правами и обязанностями членов). Однако по мере побед над оппортунизмом они наполняли эти формы иным содержанием.

Очевидно, что уже в 1930-х годах большевистская партия представляла собой не демократическую организацию, политика которой определялась выборами и голосованиями, а **единый дисциплинированный организм во главе с вождём.**

На самом деле принципы той самой сталинизации партии, которая позволила решить советскому народу самые невероятные исторические задачи, были выработаны Лениным в рамках его фракции и партийной команды. Сталин, будучи учеником Ленина, работал по-ленински. Он, в результате победы над ревизионистами и оппортунистами, которые закономерно переродились во врагов коммунизма, распространил ленинские принципы научного централизма на всю партию. И, кстати, все эти троцкие, зиновьевы, бухарины, рыковы, как и хрущёвы-горбачёвы позже, были

закоренелыми организационными оппортунистами, верещали о вождизме и зажиме партийной демократии.

Можно, конечно, проповедовать эльфизм и верить в то, как пишет очередной видный левый блогер, что при Сталине рабочие управляли страной, а сам генсек только бумажки подписывал:

«Сталин участвовал в обсуждении экономических, политических, административных вопросов. Он подписывал важнейшие документы. Но нужно понимать, что решения принимались демократически в интересах рабочих».

Но с такой ложной историографией не то что партию не создать и власть не взять, любой человек с жизненным опытом засмеёт.

Если наиболее распространённой причиной организационного оппортунизма является мелкобуржуазная психология, то главной причиной, препятствующей его преодолению, — ложные представления о порядке взаимоотношений в коллективе коммунистов, в коммунистической организации. Тут-то разногласия становятся проблемой.

На заре формирования большевизма господствовал формалистический, уставной подход. Партийная работа воспринималась большинством как разновидность служебного долга. Права и обязанности члена партии в общих чертах формировали уклад в коллективе.

Напомню, что меньшевики были против того, чтобы считать членами партии только тех, кто в ней работает. Сегодня это звучит странно, но такова была реальность демократического, революционного движения того времени. Тогда даже бывалым революционерам нужно было доказывать прописные истины. Наверное, меньшевики образца 1903 года попадали бы в обморок, если бы им показали, какой стала партия победившего коммунизма, например, к XIX съезду. А те, кто дожили в эмиграции до 1950-х, только и делали, что обличали сталинизм, вождизм, централизацию и тому подобное.

Следовательно, **история большевизма — это история снижения динамики дискуссий, фракционности, разногласий и повышения научного единомыслия, дисциплины, централизма.** Нужно ли напоминать о роли плюрализма, гласности, демократии в уничтожении КПСС?

Мало кто будет спорить, что отношения внутри партии должны быть прообразом коммунистических. Иначе быть не может, ведь коммунисты борются за построение коммунизма, а коммунизм — это прежде всего новое качество отношений между людьми, причём не только производственных (хотя это и главное). Естественно, что наиболее важные для дела коммунизма отношения — партийные, отношения между революционерами — должны быть даже более прогрессивными, чем производственные отношения коммунизма будущего.

Поэтому берём определение коммунистического труда и применяем его к партийной работе.

Коммунистический труд — это бесплатная, добровольная, не нормированная принуждением и властью работа на пользу общества, бесплатный труд, широко организованный на потребности всей страны.

«Коммунизмом же мы называем такой порядок, когда люди привыкают к исполнению общественных обязанностей без особых аппаратов принуждения, когда бесплатная работа на общую пользу становится всеобщим явлением... Но коммунистического в нашем хозяйственном строе пока нет ничего. „Коммунистическое“ начинается только тогда, когда появляются субботники, т. е. бесплатный, не нормированный никакой властью, никаким государством, труд отдельных лиц на общественную пользу в широком масштабе. Это не помощь соседу, которая существовала в деревне всегда, но труд, производящий на общегосударственные потребности, организованный в широком масштабе и бесплатный» (Ленин).

Партийная работа коммуниста, следовательно, — это бесплатный, добровольный труд революционера, направленный на реализацию целей коммунистической борьбы. Здесь всё ясно: искренность, добросовестность, ответственность, самопожертвование — основные качественные критерии отношения человека к партийной работе. Такой труд только и может стать делом чести, славы, доблести и героизма.

Речь не идёт о том, что партийцы должны питаться солнцем и быть абсолютными аскетами. Тем более в нынешних, рыночных условиях или в условиях первой фазы коммунизма. Суть в дру-

гом: коммунист работает в партии, борется за построение коммунистического общества не за деньги, а потому что таковы его убеждения, по совести.

Иными словами, партийная работа коммуниста — это не просто увлечение или служба, а *дело всей жизни, призвание.*

А получает ли коммунист деньги, блага, купоны на долю общественных богатств и т. п. — неважно. Это вопрос обеспечения, а не мотивации и целей его деятельности. Естественно, невозможно представить коммуниста, который тем лучше и последовательнее строит коммунизм, чем выше степень его благополучия.

С этим в общем и целом согласятся не только сторонники «Прорыва», но и многие левые.

Вопрос теперь в том, каким образом должны выглядеть отношения между коммунистами в организации, партии. На него отвечает теория научного централизма, являющаяся обобщением организационного опыта большевизма с учётом деградации КПСС и реалий современного коммунистического движения.

Поскольку речь идёт о разногласиях в научном централизме, которые становятся средством разложения коллектива и организации, постольку суть этой проблематики сводится к единомыслию. Оно является центральным элементом важнейшего принципа научного централизма принятия решений:

«Вырабатывать решения исключительно научным исследованием, путём достижения научного единомыслия, прежде всего, в руководящих органах партии» (Краткие тезисы НЦ).

И далее по поводу достижения единомыслия:

«Несомненно, что в идеальном виде единомыслие достигается путём самостоятельной, независимой, плодотворной выработки каждым диалектически подкованным товарищем системы объективных истин, образующих партийное мировоззрение» («О некоторых аспектах достижения единомыслия»).

Практика показала, что на таком «идеальном виде» некоторые сторонники научного централизма в понимании единомыслия и подвисают. Они считают, что каждый научный централист — готовый теоретик уровня Маркса. Такая романтическая позиция существует до первого серьёзного

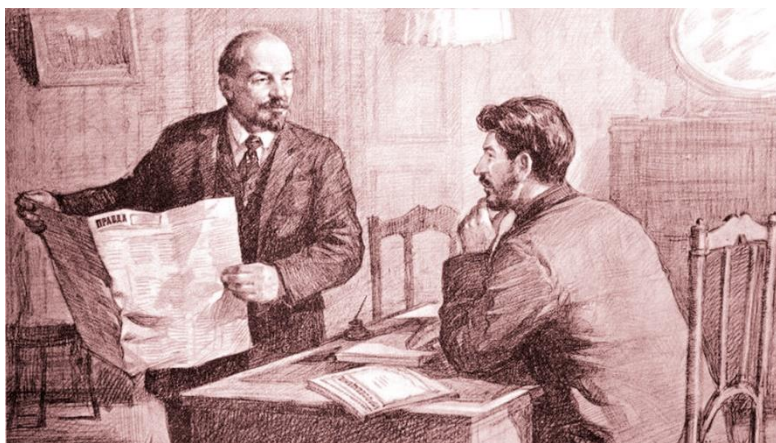
разногласия. Сначала с товарищами, а затем и с руководством.

Почему-то некоторые считают, что научный централизм — это про сообщество равновеликих вольнодумцев-диаматиков. Они якобы каждый, независимо друг от друга, приходят к абсолютно одинаковым выводам по всем вопросам, потому что руководствуются научной методологией. В реальности же такого не бывает.

Было бы неплохо избрать в качестве эталона для партии модель дружеских отношений Маркса и Энгельса. Если бы все члены ПНЦ относились друг к другу так же, как Маркс и Энгельс (с учётом обстоятельств, естественно), такой союз был бы непобедим в веках. Но даже в паре двух гениев Маркса и Энгельса не было равенства. Энгельс, несмотря на разделение труда между ними, признавал интеллектуальный авторитет Маркса.

И в этом нет ничего зазорного, так как между настоящими коммунистами не может быть конкуренции, соревновательности и зависти. Если вас гложут подобные чувства, вы пока не коммунист.

Отношения Ленина и Сталина вообще были отношениями учителя и ученика, то есть априори неравные.

Следовательно, предложенные в статье «О некоторых аспектах достижения единомыслия» рецепты преодоления разногласий в этом смысле тоже страдают недостатком: как будто товарищеский коллектив научных централистов — это коллектив равных субъектов. А при таком посыле в случае возникновения упорного оппортунистического несогласия у него не будет адекватного разрешения.

Есть также близкая по смыслу концепция, согласно которой разногласие должно вести к тому, что равные его стороны излагают свои аргументы и таким образом убеждают коллектив. Это может

сработать один раз из ста. Такие представления оторваны от реальности, от обстоятельств и условий классовой борьбы. В сущности — это отголосок той же демократии, ибо предполагается нечто вроде голосования («поддерживаю / не поддерживаю»).

Признаю, что раньше мог отчасти считать нечто подобное, но сейчас, на основе опыта и наблюдений, совершенно по-другому понимаю роль и место несогласия и процедуру обеспечения научного единомыслия.

Во-первых, разногласия могут быть двух типов. Либо это разногласия между рядовыми сотрудниками, либо это несогласие с руководством (если разногласия в руководстве, то перед нами не научный централизм).

Во-вторых, разногласия между рядовыми сотрудниками не должны оставаться без внимания руководства, которое обязано их разрешать. Подобные разногласия ещё на стадии первичного несогласия необходимо обсуждать с участием более опытных товарищей. То есть, говоря проще, если кто-то заметил за товарищем ошибки и оппортунизм, необходимо не бросаться с ним спорить, а вынести проблему на обсуждение с руководством.

Поэтому не нужно тешить себя иллюзиями, основанными на беспочвенном ощущении личной исключительности. Выбатывают решения научным исследованием наиболее компетентные товарищи, а не коллектив и не отдельные равные друг другу теоретики.

Наиболее компетентные товарищи же занимаются организационной работой, в том числе устранением разногласий. А именно: указывают на ошибки, разъясняют, контролируют и делают оргвыводы вплоть до исключения.

Наиболее компетентные товарищи и представляют собой руководство, кадровое ядро, вождей.

Важно понимать, что проблема «достижения научного единомыслия» лежит вовсе не в плоскости коммуникации между марксистами. Она лежит исключительно в плоскости работы над собой для исследования проблематики и правильного понимания в конкретном случае того научного исследования, которое сделано вождями.

Проблема единомыслия в любом конфликте несогласия, разногласий — это проблема *понимания* несогласными позиции руководства, и никак иначе. Если же кто-то считает, что руководство несостоятельно, то какой же это научный централизм? Такому человеку следует немедленно разорвать связи с коллективом, организацией и выражать своё несогласие за пределами.

Далее. Убеждение как метод имеет две стороны. Продуктивная сторона убеждения — это *переубеждение* человека. Контрпродуктивная сторона убеждения — это переход к полемике, дискуссии, спору и конфликту. Вернуться из спора к переубеждению практически нереально. Поэтому убеждение должно практиковаться в меру. Особенно зыбка почва убеждения, когда дело уже клонится к конфликту. Поэтому **намного продуктивнее и надёжнее заставить себя отказаться хотя бы на время от своего мнения и принять позицию авторитетного товарища, а потом продумывать её раз за разом, чтобы правильно понять и уловить все тонкости.**

Некоторые скажут: нам предлагают принцип непогрешимости вождей. Обязательно кто-нибудь из-за печки выкрикнет про сектантство и фанатизм.

В реальности же мы объединились вокруг идей «Прорыва», идей Подгузова и следуем этим путём не академически за голой теорией, а коллективно, как организация. Кому же нас направлять? Чего мы сможем достичь, не полагаясь на руководство и мнение наиболее опытных и компетентных товарищей?

Дело в том, что разногласия, несогласие и в целом предмет любой маломальской полемики в коллективе марксистов, тем более научных централистов, возникают далеко не в сфере основного вопроса философии или всего того, что волнует типичных леваков. Это либо сфера тактических решений и подходов, либо организационно-кадровых вопросов. Эти вещи в любом случае и всегда будут определять руководство. Ничего, кроме как высказать свои соображения по конкретному вопросу и обсудить, делать смысла нет. Завоёвывай авторитет, веди за собой людей, стань вождем, бери на себя ответственность и решай.

Демократическая организация голосованием маскирует борьбу разных сил, мнений внутри

себя. Научно-централистская организация изначально идёт по пути диктатуры истины и ничего не маскирует. Если истина не установлена, значит, это не научный централизм.

Уверен, что кому-то следующая мысль может показаться неприятной, но **адекватная инициативность, высказывание своего отличного от руководства мнения не должны перерастать в упорные попытки навязать свою позицию.** Достаточно один раз аргументированно высказаться и, если тебе всё равно указывают на неправоту, работать над тем, чтобы правильно и глубже понять позицию руководства, или... разрываться с ним.

Так что данный ниже тезис нужно понимать именно в таком ключе, на мой взгляд.

«Признать внутренним законом жизни партии строжайшую дисциплину, основанную на мобилизации партийной совести, на товариществе, исключаящем конкуренцию и карьеризм в каком бы то ни было виде. Нормой поведения партийца должна стать инициатива, рождённая внутренним убеждением товарища в своей научной зрелости, в компетентности, в готовности нести персональную ответственность за соответствие занимаемому посту. Главным критерием выдвижения товарища на руководящую работу со стороны партийного коллектива должна стать его компетентность, подтвержденная практическими результатами его личной пропаганды, агитации и организации» (Краткие тезисы НЦ).

Безо всяких ограничений самостоятельность и инициативность нужно проявлять в образовании.

И, с другой стороны. Настаивать на своём следует, пока руководство ведёт разумное, спокойное исследование проблемы. Как только следуют административные меры, нужно выходить.

Как видно, такое понимание научного централизма не исключает учёт мнений, позиций всех товарищей. То есть донести свои мысли, соображения свободно и честно, конечно же, нужно, и прежде всего до руководства.

Можно ли сказать, что научный централизм — это вождизм? В либерально-демократическом и троцкистско-хрущёвско-горбачёвском понимании, конечно, это страшный-престрашный вождизм. Обзывать можно как угодно, но задача

коммунистов состоит в том, чтобы партия действовала как единое целое, как единый организм, была скреплена общей волей и единством действий. Понятно, что вождизм, когда все как один, когда «*Мы говорим Ленин, подразумеваем — партия, мы говорим партия, подразумеваем — Ленин*» и так далее, — идеальный, наиболее эффективный вариант.

Вообще говоря, любая организация так и работает. Просто в демократической организации несколько таких мелких вождизмов, и она идёт с грехом пополам туда, куда ведёт наиболее сильная в данный момент группировка или какая-то наспех сколоченная коалиция. Хотя голосования, воля большинства при учёте мнения меньшинства и всё подобное формально соблюдаются.

Можно ли сказать, что научность позиции в таком случае подменяется подчинением? Только с виду. Дело в том, что **научность позиции** — она **объективна**, проверяется практикой и на практике даёт либо положительный, победный результат, либо отрицательный. Одни обладают силой логики установить научность позиции, другие — нет. Но все равны перед практикой.

Так что тут принципиальный вопрос такой — правы ли вожди, за которыми вы пошли, в целом. Если правы, то придётся подчиняться вне зависимости от того, что кажется в частных вопросах. Если неправы, то нужно рвать отношения.

«*Товарищеский диалог, исключая конкурентность и двурушничество, вместо традиционного возбуждения дискуссий*» и есть нечто такое, что поддерживается и управляется сверху, при признании дисциплины и авторитета руководства.

Интеллигентствующие в плохом смысле умы воскликнут: «А что же, если вожди поведут нас не туда?» Всё просто. *Во-первых*, идти мы можем только как коллектив, так что каждый сам волен повести за собой или идти за кем-то. *Во-вторых*, если идти не туда, то, внезапно, и придёшь не туда. Вопрос не в выявлении ошибочного курса, а в сбережении коллектива от разлагающего идиотизма и практики демократизма. Чтобы двигаться к коммунизму, нужна не только теория марксизма-ленинизма, но и лидеры, и дисциплина для её соединения с движением пролетарских масс. Это **аксиома** коммунистической революции.

И последнее, самое важное. Организационный оппортунизм проявляет в полной мере всю свою гниль в оппозиционности. Люди, которые сначала проявляют несогласие с руководством, потом переходят к полемике и склоке, в итоге жалуются, что их попросили. Они не хотят идти своим путём, не стремятся создать свою организацию, нести ответственность. Они желают остаться частью коллектива. Они даже не вынашивают планов свергнуть руководство. Их удобство состоит в том, чтобы высказать своё несогласие — и после этого не отвечать ни за то, что организация делает как бы вопреки, ни за реализацию их отвергнутых предложений. То есть их, на первый взгляд, инициатива поправить руководство, улучшить работу, скорректировать курс и т. д., которая перерастает в конфликт, на поверку оказывается безответственностью и удобеньким заканурением в позицию оппозиции.

С точки зрения научного централизма, если ты окончательно и продуманно не согласен с руководством, ты обязан немедленно покинуть организацию.

Февраль — апрель 2025

ЭКОНОМИКА

**Заметки на
«Заметки на полях»²⁷***Р. ТЁРНЕР*

Судя по включению «Критики Готской программы» в списки обязательного чтения практически каждой партии с коммунистическим названием, судя по частому использованию цитат из этой работы в материалах указанных организаций, можно подумать, что «Критика Готской программы» является для них руководящей силой, что их члены тщательно изучили данное классическое произведение марксизма. Однако ознакомление с их собственными партийными программами показывает, что они (программы) соответствуют не столько учению Маркса, сколько самой критикуемой им Готской программе, содержащей обилие пустых фраз, буржуазно-демократических лозунгов и научно не обоснованных тезисов, которые поставили бы в неловкое положение самих авторов Готской программы. Становится ясно, что «Критика Готской программы» была изучена современными левыми поверхностно, в форме пустого цитатничества, а не искреннего осмысления.

С другой стороны, статья Бронислава является прекрасным примером того, как следует изучать классические произведения марксизма. Он правильно оценил важность труда Маркса как блестящего примера марксистской критики, которая критикует оппонентов не в вакууме, не ради критики как таковой, а специально для того, чтобы на фоне ошибочных положений эйзенахцев изложить позитивное коммунистическое содержание. Все категории, которым уделено внимание в статье Бронислава, и по сей

день остаются актуальными. Однако, к сожалению, это не помешало современным партиям с коммунистическими названиями найти большое количество способов совершить те же грубые ошибки.

Оппортунизм аморфен. Даже если ошибочная формулировка будет основательно отвергнута, спустя время она может вновь легко возникнуть в различных формах, если ее намеренно и однозначно не опровергнуть научными знаниями. Даже тот факт, что Маркс раскритиковал предложение Лассалья о создании производственных кооперативов с государственной помощью и объяснил, что «неурезанный трудовой доход» — это абсурд, не имеющий ничего общего с коммунизмом, при котором большая часть продукта труда используется («урезается») для удовлетворения общественных потребностей, — даже этот факт не помешал современным «левым» партиям поддержать кампании по финансированию социальных программ за счет налогообложения богатых. Левые признают, что социальные расходы необходимы, но продолжают предлагать решать все проблемы с помощью буржуазного государства, одновременно с этим спекулируя на «борьбе» рабочих за заработную плату. Кроме того, левые продолжают предлагать развитие кооперативов в качестве возможной альтернативы классовой борьбе. Хотя я и встречал в США риторику, подобную риторике Садонина, однако даже эти отдельные группы американских энтузиастов-кооператоров не заходили

²⁴ Речь идет о статье Бронислава «Заметки на полях: «Критика Готской программы», опубликованной в «Прорывисте» № 7/95.VII.2024 (https://prorivists.org/95_gotha-programme/)

настолько далеко, чтобы заявить о том, что они удовлетворяют потребности 95% населения страны!

Бронислав в своей статье пишет:

«Современные “борцы за народное счастье” в порыве эмоционального отстаивания “интересов народа” ссылаются на нищенскую зарплату пролетариев, зачастую ограничиваясь требованием ее повышения. Иногда, с целью высмеять родное начальство и доказать свою оппозиционность по отношению к нему, приводят в пример западные страны, мол, там-то капитализм справедливее, человечнее, там зарплаты больше и налоги на сверхбогатых есть. Нам, говорят, в России так же надо, больше справедливости, а, следовательно, и больше стабильности... капитализму».

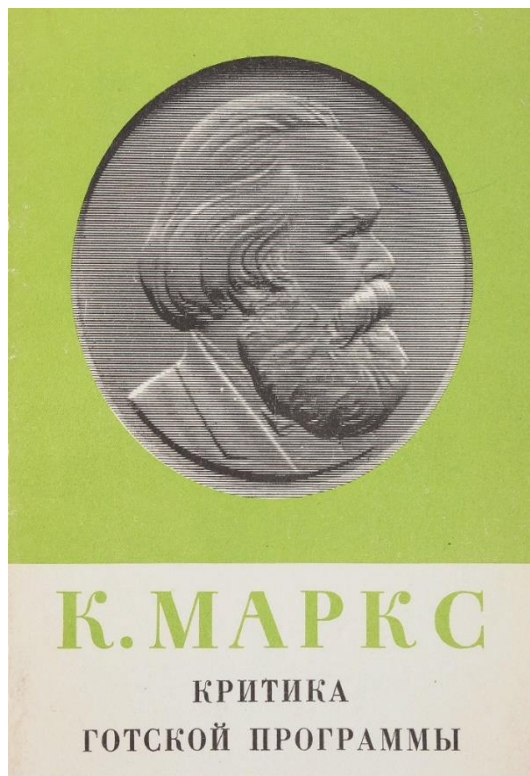
Действительно, западные методы именно стабилизируют капитализм, при этом не делая его более справедливым, гуманным и т.д., в чем пытаются убедить россиян «борцы за народное счастье». На самом деле это, наоборот, более несправедливо, более бесчеловечно и т.д., кроме тех случаев, когда несправедливость распределяется неравномерно. Среднестатистический американец считает, что он мог бы стать успешным менеджером, инженером или мелким бизнесменом, даже несмотря на то, что он, скорее всего, будет в поте лица отрабатывать студенческий кредит, являясь кассиром розничной сети, или вообще не сможет расплатиться за этот кредит, являясь безработным. Сумма денег, выплачиваемая американскому работнику, может быть больше, чем сумма денег, выплачиваемая работникам в России, но в Америке приходится платить непомерные

суммы за медицинское обслуживание, транспорт и другие услуги, которые для россиян намного дешевле или вовсе бесплатны. Более высокие зарплаты зачастую не покрывают разницу (между РФ и США) в доступности социальной сферы, из-за чего американский работник часто остается без медицинского обслуживания или жилья. Те же, кто имеют финансовые возможности для удовлетворения своих потребностей, часто тратят деньги впустую, на вещи, которые ухудшают их жизнь: на алкоголь, наркотики и т. д. Достаточно распространено такое явление, когда американский обыватель полностью заполняет свой дом бесполезными гаджетами, модной одеждой, предметами коллекционирования или даже настоящим мусором, разрушая при этом собственные жизнь и семью.

Вместо работы над ошибками, современ-

ные идейные последователи оппортунистов прошлого совершают все те же ошибки, только с еще большей интенсивностью, чем раньше. Не ограничиваясь «готским» разделением общества на пролетариат и одну лишь «реакционную массу», многие левые деятели делят людей на классы в соответствии с профессией, уровнем дохода, расой, полом и т.д., на все меньшие и меньшие части, распределяя остальных в «единую реакционную массу», думая, что оставшееся меньшинство и есть «истинный» пролетариат, изначально пред-

назначенный для свержения капитализма. Один из таких левых деятелей, к примеру, довел до абсурда фразу из «Манифеста КП» «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей», утверждая, что если у рабочего есть хоть что-то, то он больше не пролетарий. Те же самые заявления о свободе совести звучат в первом пространстве так же громко, как и прежде. Нередко они подкрепляются заявлениями о

том, что религиозная вера является постоянным и прогрессивным элементом общества. Они слышат критику капитализма от верующих и священнослужителей и думают, что это означает, что те — союзники, ко взглядам которых стоит относиться терпимо, взгляды которых необходимо защищать.

Бронислав также рассказывает историю публикации «Критики Готской программы», которая сегодня особенно актуальна для начинающих марксистов. Маркс и Энгельс хорошо показали, при каких условиях допустимо и правильно разворачивать публичную критику: во-первых, после публикации Готская программа была понята рабочими массами в целом коммунистически и, во-вторых, было опасно устраивать публичное обсуждение программы в период господства реакции и запрета легальных методов пропаганды. Если бы не это, Маркс и Энгельс выступили бы с публичной критикой ошибочной программы. К слову, даже неблагоприятные внутривнутриполитические обстоятельства не помешали классикам довести свою критику до сведения лидеров эйзенахцев при помощи частной переписки. Сегодня ситуация другая, но стремление замять не только публичные, но и частные разногласия руководит действиями большинства левых. Научное единомыслие **невозможно**, если товарищи, имеющие противоположные взгляды на одни и те же вопросы, вежливо замалчивают разногласия, не желая расставить точки над «и», в то время как в глубине их сознания прорастает/зреет «грибок оппортунизма»²⁵. По-настоящему достойный, добросовестный, уважительный поступок —

это сначала обратить внимание на собственное внутреннее несогласие, предпринять самостоятельные усилия по изучению и решению вопроса, а затем, если самостоятельно не получилось прийти к истине или возможное решение не соответствует общепринятым положениям, не бояться выразить эти разногласия в понятной, творческой форме, возможно, в статье.

Вчерашние примиренцы — это сегодняшние оппоненты. Либкнехт предложил лассальянцам компромисс **без всякой выгоды** взамен, продемонстрировав как свою теоретическую слабость, так и склонность к примиренчеству. В ходе своего общения с Марксом и Энгельсом Либкнехт показал, что считает компромиссы, на которые он шел, правильной тактикой, отказавшись тем самым от признания своих ошибок. После чего он удвоил усилия по воплощению Готской программы в жизнь, способствуя ее последующему принятию, но не в качестве компромисса, а в качестве самостоятельной программы. Маркс и Энгельс организационно не были связаны с Либкнехтом, поэтому-то им не нравилось, что оппоненты возлагали на них ответственность за действия Либкнехта; следовательно, у них не было возможности ни заставить его исправить свои ошибки, ни отстранить его от руководства партией. Однако те, кто надеются однажды построить настоящую коммунистическую партию, могут извлечь из этой ситуации урок: ошибки, которые не были своевременно исправлены, позже будут повторяться.

Май 2025

²⁵ Грибок растет в темных, сырых местах. Остановить рост грибка непросто, а грибковые инфекции трудно поддаются лечению.

ЭКОНОМИКА

Критика антикитайской пропаганды

Дмитрий НАЗАРЕНКО

Древняя китайская мудрость гласит: «Все пальцы не могут быть одинаковой длины». Смысл её в том, что каждый индивид, имея свои уникальные особенности, играет определённую роль в социуме. Иначе говоря, хотя размеры пальцев у всех разные, при сгибании они естественно складываются в кулак. Маркс так и определял понятие научно-организованного общества как единство всех людей на основании реальных различий между ними. Понимая компартию ленинско-сталинского образца как авангардную часть общества, УЖЕ действующую согласно коммунистического способа производства: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям», «Прорыв» осуществляет свою деятельность на добровольном использовании талантов и профессионализма своих членов, когда каждый из выполняя задачу в интересах общей цели находится на своём месте. Т.е. действуя в определённых рамках, соответствующих его компетенции, морально-нравственным качествам, товарищ занимается тем, что у него получается лучше всего. В противном случае страдают, и он сам, и окружающие его коллеги. Выход за эти рамки, неприятие или непонимание истины, что знания, пускай выдающегося, видеоблогера и продуктивного теоретика марксизма отличаются на порядки, приводит к тому, что человек заинтересовавшийся фактурой социальной справедливости нередко проповедует своё субъективное отношение к предмету, мол, я так считаю. Это поверхностное мнение без теоретического анализа проблемы органически неспособно на практическое решение. Причинами неадекватного восприятия своих способностей, оцениваемых по результатам личных достижений, являются марксистское невежество и демократические иллюзии. Внятная аксиома,

что в науке не все равны, возмущает многих симпатизантов левых идей. Обладатели хорошей дикции, артистических манер, индивиды, не лишённые литературных, организаторских, управленческих, прочих талантов и способностей, привлекая к себе внимание зачастую вызывают у аудитории обманчивое впечатление о своей марксистской компетентности. И получая соответствующую обратную связь, действуют согласно поговорке: «Умный любит учиться, глупый – учить». Многочисленные ютуб-каналы около левых блогеров не способных: кто в силу непреодолимой лени и косности, кто ввиду мелкобуржуазных страстишек – завоевать славу и подзаработать, являются непосредственными проводниками буржуазного влияния в среде работающего класса. Планетарный экономический и финансовый кризис, стартовавший в 2008 г., не мог не вызвать закономерной критики капитализма, в основном эмоциональной, в т.ч. и на территории бывшего СССР. Правда, вследствие недостаточной научной подготовки лидеров общественного мнения, путаной, а нередко откровенно оппортунистической позиции, т.н. российское левое движение в лице наиболее соломенноголовых представителей агитирует поклонников и последователей за экономизм, парламентаризм, акционизм и т.п., культивируя дубовый или «умеренный» антисталинизм, религиозную веру, в т.ч. в «чёрные дыры» и «расширяющуюся вселенную», во всеилие партийной демократии и прочую ерундистику навеянную, с одной стороны, махровым «еврокоммунизмом», а с другой, печальным наследием интеллектуального вырождения пост-сталинской КПСС.

Тем не менее, трудовые массы не так глупы,

как кажется корифеям хвостизма и прочим рыночным приспособленцам. Большая часть населения 1/6-й осознаёт призрачность левацкой «борьбы» за светлое будущее, но попадая при этом под каток буржуазной пропаганды, успешно уламывающей «бороться» за «хороший» капитализм, держатся на том, что советская действительность, при определённых оговорках, более благожелательна, жизнеутверждающая и прогрессивна. И господствующий класс менял, катал, кидал и прочих ростовщиков и спекулянтов во главе с бонапартической фигурой буржуазного президента, учитывает эти настроения масс, выдерживая социальную политику крупных и мелких от олигархической власти, не способных решить проблемы жилья, медицины, образования и т.д., но удерживающих статус кво «устойчивого развития» страны на фоне стабильного вымирания населения.

Поэтому неудивительно, когда один из, пока ещё, влиятельных «левых» ЛОМов, журналист и телеведущий – К. Сёмин, выступающий в отношении конфликта на Украине в агитационно-пропагандистском ключе на стороне доморожденных либералов и их хозяев из агрессивного блока НАТО, интеллектуально и нравственно прогибаясь под шапиновых, пихоровичей, бурик и проч. борцов с культом личности, в упор незамечающих «незалежного» нацизма с бандеровской спецификой, бездоказательно разглагольствует про китайский империализм и отсутствие первой фазы коммунизма в КНДР. Время от времени вбрасывая подписчикам различные антикитайские установки Сёмин, не только пытается оправдывать капитализм, отождествляя его с диктатурой пролетариата в КНР, но и привычно пустословит, мол, социализм вообще невозможен в отдельно взятой стране, дескать, нужна мировая революция. Тем самым он идейно встаёт на троцкистскую позицию игнорируя обоснованные теоретические положения, доказанные практикой сталинского и постсталинского СССР о неравномерном распространении коммунизма по планете, о разной скорости движения к научно-организованному обществу, о местной специфике экономических, политических и культурных особенностей той или иной страны/региона. Короче говоря, ленинское: «Много блеску и шуму в фразах Троцкого, но содержания в них нет», в полной мере можно приложить и к Сёмину, опубликовавшему на своём ютуб-канале очередную порцию

блаженного антикитайского кликушества в форме интервью с профессором Пекинского университета международной экономики и бизнеса по имени Фред Энгст.

«Китайский американец» позиционирующий себя марксистом не возражал против сёминского тезиса: КНР – империалистический хищник. И в беседе, и в своей книге «Империализм, ультраимпериализм и подъём Китая» профессор утверждает, что раз китайский госкап стал крупнейшим в мире объединением промышленного и финансового капитала и мощнейшим в мире монополистическим конгломератом, значит никаким социализмом в Поднебесной не пахнет.

Рассмотрим ряд характерных высказываний пекинского профессора, оперирующего не многими проверенными практикой марксистскими истинами, а чувственными переживаниями, эмоциональным восприятием китайской действительности: «Поворотным моментом стали события 4 июня 1989 г. Расстрел демонстрации на площади Тяньаньмэнь. До них я сохранял надежды и иллюзии на перемены в Китае, но затем они рухнули не только у меня, но у многих молодых китайцев, отправившихся на запад чтобы получить образование. Мы сохраняли марксистские взгляды, но спрашивали себя почему в капиталистическом мире за последние десятилетия происходило много разного, но власти не отправляли танки против людей».

Итак, гость Сёмина утверждает, что в капиталистическом мире за последние десятилетия власти не отправляли против людей танки. Хм. На самом деле империалисты направляют на людей танки практически непрерывно. Но даже если оправдывать капитализм предельно лживо и безмозгло – как это делают либералы, рассказывая, что, мол, Гитлер уничтожал чужие народы, а не соотечественников, то достаточно обратиться к фактам, дабы уяснить криводушные подобных толкователей.

1967 год – бунт в Детройте подавлялся полицией и армией на бронетехнике. 1968 год – массовые беспорядки в более чем 100 городах США в ответ на убийство Мартина Лютера Кинга. В Вашингтон введены федеральные войска с боевой и специальной техникой. Официальные цифры погибших в этих двух случаях – несколько десятков человек, тысячи раненных, десятки тысяч арестованных – превосходят официальное количество пострадавших на площади

Тяньаньмэнь.

А если Энгст, который как раз в это же время жил в США, вспомнит знаменитый лос-анджелесский бунт 1992 года? Тогда в результате массовых беспорядков и их подавления войсками и полицией (со стороны правительства участвовало около 10000 полицейских, 10000 национальных гвардейцев, 3300 военных и морских пехотинцев на бронетранспортёрах, а также 1000 пограничников и агентов ФБР) погибли более пятидесяти человек, более 2000 были ранены и 12000 брошены в тюрьмы.

Сами буржуазные историки за последние 400 лет насчитали около 4000 бунтов и восстаний в США, где жёсткий разгон, силовое подавление какой-нибудь демонстрации – регулярное явление. То, что в последнее время американские и европейские эксплуататоры пытаются применять более тонкие методы, упреждающие приёмы борьбы за удержание своей власти вовсе не говорит о том, что империалисты, исчерпав всю свою ненависть к трудящимся стали белыми и пушистыми.

Например, в 2020 году для пресечения массовых беспорядков в Вашингтоне были задействованы армейские части с боевыми вертолётами. И то, что барражирующие над американской столицей УН-60 Black Hawk не применялись так же как во Вьетнаме, Афганистане или Сомали – ведя огонь на поражение, совершенно не доказывает либеральный трёп про Тяньаньмэнь. Дескать, кровожадные коммунисты раскатали танками мирную демонстрацию китайских рабочих и студентов, уничтожив «сто тысяч миллионов» человек.

Сожаления пекинского профессора о несбывшейся перестройке в КНР ясно демонстрирует его мелкобуржуазный демократизм. По Энгсту получается, что лучше бы КПК в 1989 г. под давлением протестующих позорно самораспустилась сдав власть «независимому» студенческому профсоюзу с либерально-демократическими установками, чтобы апологеты свободного рынка, выступающие против планирования и партийного контроля, устроили в Китае контрреволюцию со всеми вытекающими последствиями постсоветских 90-х, которые мы до сих пор не в силах преодолеть. Что примечательно, Сёмин прекрасно зная о событиях 1967 г. в Детройте – у него на эту тему имеется давняя антиамерикан-

ская публикация, однако, урезонить завравшегося американского профессора не решился. Или, если гость выступает против КНР, потворствуя повесточке самого Сёмина, то «тем хуже для фактов?».

Когда на территории бывшего СССР наступила катастрофическая деградация всех без исключения сфер общественной жизни, когда марксизм был объявлен утопическим недоразумением, а «шоковая терапия» возведена в ранг мировоззренческого откровения, когда во всех общественных науках и в СМИ воцарилась махровая реакция и пещерный антикоммунизм, когда «эффективные» собственники с неутолимыми аппетитами присваивали себе землю, недра, заводы и фабрики в обмен на ваучеры и акции МММ, когда стремительное падение уровня жизни масс, националистические войны и конфликты, оголтелый терроризм, зашкаливающая преступность, пьянство, наркомания, проституция, беспризорность, коррупция и конкуренция стали привычными, а вымирание населения не прекратилось и по сей день, когда всё это подвело страну к краю пропасти, поставило на грань выживания, господин Энгст того же желает Китаю? Или «это другое» и «понимать надо»? В любом случае там, где дураку всё понятно, умный сто раз подумает. Сёмин же, имея толику товарищеской порядочности и каплю уважения к собственной аудитории мог, конечно, открыть профессору глаза на контрреволюционную сущность горбачёвской перестройки, проводимой практически под теми же лозунгами демократии, свободы, гласности, которые раздавались на Тяньаньмэнь. Почему он этого не сделал? Оправданий может быть сколько угодно, главное же в том, что Сёмин как и его завизи – уже до того привык называть белое чёрным, что уже не может не врать даже самому себе. А как известно, сам себе лгущий не может отличить правды от кривды и обоснованно не вызывает доверия у других.

Тем временем, Фрэд Энгст продолжает откровенничать:

«Все 90-е и 2000-е я пытался разобраться, что же происходит с Китаем. Меня беспокоил старый вопрос, как и почему революционеры превращаются в диктаторов и угнетателей. Вот в каком контексте необходимо изучать современную историю Китая, период правления Мао, культурную революцию. Рабочие говорили

мне, приятель, да ты, похоже, коммунист. Ты хочешь воспользоваться нами, получить власть, а потом мы будем работать на тебя. Я не знал, что ответить им. Потому что именно это произошло в СССР, в Китае. Не ответив на вопрос, как предугадать превращение революционеров в эксплуататоров, мы не сможем привлечь рабочих на свою сторону».

Профессор изображает проблему перерождения компартии так, будто высокие оклады и особые права сами по себе ведут к измене. Дескать, возможности крупных партийных чиновников завышать своё материальное положение автоматически подводит их к отрыву от масс.

Главный недостаток схемы: отсутствие демократии → привилегии чиновников → бюрократизм → оппортунистическое перерождение, в рамках которой заплутал «марксист» Энгст, заключается в том, что партаппаратчику для того чтобы реализовать преимущества своего положения, превратить их в отношения эксплуатации человека человеком НЕОБХОДИМЫ реальные отношения ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. Пекинский профессор не понимает, что источник власти – собственность, а не привилегии чиновников. Ни в сталинском, ни в хрущёвском, ни в брежневском, ни в андроповском, ни даже в горбачёвском СССР чиновник не мог открыто владеть средствами производства, соответственно не мог открыто эксплуатировать наёмных работников. Не мог он и заниматься первоначальным накоплением капитала, поскольку именно ГОСУДАРСТВО ГАРАНТИРУЕТ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. Здесь Энгст, как и ряд российских «коммунистов», считающих СССР после 1953 г. капиталистическим государством, очевидно, просто не понимает, о чём говорит. Профессор не понимает, что в определённых условиях господство рабочего класса может сосуществовать и с частной собственностью, и с партией поражённой оппортунизмом. С господством рабочего класса несовместима лишь власть капитала. Или – или. А поскольку в КНР чётко определено: управление со стороны КПК является политической руководящей силой наивысшего порядка в стране, постольку всем «свидетелям китайского империализма» необходимо доказывать обратное. К тому же Маркс указывал, что диктатура пролетариата уничтожает частную собственность, а не просто

запрещает её. Уничтожение – это процесс, а запрет – акт... Пока же мы отмечаем, что социализм с китайскими особенностями, как и советская НЭП – есть сознательное допущение в общественные отношения противоречий между трудом и капиталом. Как и в СССР в Китае частный сектор управляется партией через плановую экономику и государственный контроль, на известных условиях допуская в страну иностранный капитал. Делая это ради совершенствования производительных сил и улучшения положения рабочих и крестьян. Конечно, это не говорит о том, что частные собственники не будут пытаться путём усиления своего влияния внутри КПК добиваться преимуществ в классовой борьбе, но тем более не говорит о том, что КПК встала на путь предательства, как и КПСС. Понятно, что в связи с объявлением «торговой войны» КНР со стороны США, далеко не все в КНР готовы безусловно исполнять волю партии и безоговорочно подчиняться пролетарской власти. Что неудивительно, так как допущение иностранного капитала в китайскую экономику (несмотря на осторожность руководителей КПК) не могло не вызывать негативных последствий. Но анализируя подобные риски, не стоит впадать иллюзию, будто экономика равна политике. Как теория не может не иметь первенства перед практикой, так и политика – концентрированное выражение экономики не может не иметь первенства над экономикой. Что не означает отсутствие диалектической связи в виде обратного воздействия экономики на политику, которая видна в переплетении китайской и американской экономик. В частности, поставки китайских товаров на американский рынок, вложение Китая в долговые обязательства США (КНР является одним из крупнейших держателей госбумаг США. Китайцы скупают американские гособлигации для пополнения своих резервов на те доллары, которые получают от продажи своей продукции в США), показывают, что КНР до сих пор расплачивается прибавочной стоимостью своего работающего класса за технологии и мирное сосуществование с западом. Шаги КПК по укреплению контроля за бизнесом доказывают, что китайская экономика управляется не только из Пекина, но и из ряда штаб-квартир ТНК, в том числе объявивших санкции России. Отсюда понятно, почему КПК одновременно стремится вписать китайский бизнес в стратегические цели развития страны, но

сделать это так, чтобы доморощенные предприниматели не блокировались с западными коллегами и не создавали реальную оппозицию компартии. Именно отсюда произрастает усиление борьбы с коррупцией, местничеством, нарушениями программы и устава КПК и т.д., демонстрирующие, что сплочение коммерсантов вокруг задач партии, т.е. близость к власти не освобождает их от ответственности перед государством. При этом основной проблемой частного сектора КНР является сложность получения кредита. Поскольку коммерческие банки Поднебесной подчинены государственным, то можно найти немало историй как китайские предприниматели, не вписавшиеся в партийный курс, теряют бизнес, а порой бегут за границу, изрыгая «правду» в адрес КПК, щедро оплачиваемую доброхота из ЦРУ. Разве можно в такой ситуации утверждать, что в КНР империализм?

Да будь Китай империалистическим хищником, его банковская сфера принадлежала бы финансовому капиталу. Например, американская Федеральная Резервная Система, устанавливающая ключевую процентную ставку в стране, юридически принадлежит государству, но фактически через конструкцию двенадцати региональных банков, ею владеют коммерческие банки – частный капитал. Способен Энгст или Сёмин доказать слияние китайского банковского капитала с промышленным и создание на этой базе власти в КНР финансовой олигархии под прикрытием КПК? Ведь империализм – это власть финансового капитала. А может нет там никакой олигархии и банковская система КНР принципиально иная нежели в США, Британии и т.п.? Центральный банк КНР не просто устанавливает ключевую процентную ставку, по которой «частные» банки получают средства и формируют собственные кредитные и депозитные ставки для населения, бизнеса и т.д., а следует указаниям Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). Именно на сессиях ВСНП утверждается пятилетний план (корректируемый по итогам каждого года), где указано какие предпринимательские инициативы полезно стимулировать, учитывая положение дел в мировой и китайской экономике, а какие – нет. В этом отношении КПК не отходит от ленинской линии НЭП, предусматривающей, что банки, ключевые отрасли промышленности и ведущие предприятия должны

принадлежать государству, поэтому новая экономическая политика не может считаться возвратом к капитализму. Например, Джек Ма, перенимая американский опыт интернет-бизнеса, основал в середине 90-х компанию по созданию сайтов, одновременно работая в этой сфере на правительство. Возглавив в 1998 г. Китайский международный центр электронной торговли, Ма вскоре основал Alibaba Group. Получив банковский кредит, воспользовавшись правительственными льготами, иностранными инвестициями он развернул крупнейшую онлайн-платформу мировой торговли. Иначе говоря, Ма «поднялся» не за счёт залоговых аукционов по приватизации госпредприятий или многовекового колониального «бизнеса» европейцев и американцев, а за счёт собственных усилий и помощи государства. Несмотря на яркую цитату: «Не смешивайте бизнес и политику. Капитал – бочка с порохом, а политика – зажженная спичка. Если вы попытаетесь совместить одно с другим, последствия будут довольно предсказуемыми», в 2020 г. Джек Ма взялся критиковать китайскую банковскую систему. Тогда же нэпману мгновенно ограничили возможности ведения бизнеса, отменив размещение акций его компании Ant Group на бирже и начав антимонопольное расследование против Alibaba Group. Причём данное расследование закончилось не только крупнейшим штрафом в истории Китая для Ма, но и ужесточением контроля со стороны КПК над всеми IT-компаниями КНР.

Да, в КНР существует определённый теневой банкинг. Да, в Гонконге имеются офшоры. Да, время от времени надуваются «долговые пузыри». Вот только пока КНР имеет длительный положительный торговый баланс практически со всеми своими торговыми партнёрами, особенно с крупными, всё это не сильно влияет на страну и главное на контроль КПК. Естественно, нет дыма без огня и частные собственники гнут свою линию, но компартия Китая, пока, под неё не прогнулась.

Другими словами, точечное стимулирование китайской экономики через банковскую систему, контролируемую КПК, пока позволяет государству бороться с проявлениями рыночной стихии: экономическим обособлением, излишними мощностями, неэффективными производствами и т.д., в т.ч. регулируя деятельность отдельных «частных» банков и предприятий. Именно госу-

дарство в лице госкорпораций, а не частный сектор является самым крупным и влиятельным субъектом рынка и хозяйственной деятельности в КНР. К тому же в стране нет чётко отделённого от государства, т.е. некоего независимого частного сектора экономики. Да и госсектор в КНР не подвергался приватизации, а частный сектор вырос с нуля рядом с государственным. Это объясняет отсутствие в КНР «олигархов» в полном смысле этого слова.

Из всего этого следует, что переходный этап от капитализма к первой фазе коммунизма до определённого момента будет с необходимостью сохранять в себе ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ старого общества. Тем более учитывая, что капитализм в разных странах имеет свои особенности, то и социализм этого не избегнет. Поэтому администрирование китайскими коммунистами экономики есть проявление политического контроля за деятельностью предпринимателей, а координация и сопряжение частных и общественных интересов представляют собой непосредственное проявление материалистической диалектики к управлению обществом переходного периода.

Не стоит конечно забывать, что установка КПК на создание благоприятных условий для деловой активности, позволяющая всем гражданам проявлять свои организаторские таланты и лидерские качества обязана соответствовать интересам работающего класса, поскольку на первой фазе коммунизма партия будет вынуждена считаться не только с интересами (а как известно: *«ИНТЕРЕС есть наиболее примитивная, первобытная, невежественная форма МОТИВАЦИИ человеческой деятельности»*. В.А. Подгузов), но и с заблуждениями и отрицательными привычками людей.

Однако вернёмся к тезису Энгста, о том, что КПК эксплуатирует рабочий (работающий) класс Китая. Из вышеизложенного понятно, что если КПК держит под контролем отношения частной собственности в стране исходя из принципов новой экономической политики, то это означает, что львиную долю прибавочного продукта получает государство. Т.е. тот же рабочий (работающий) класс, чей уровень потребления растёт. Доказательств, что жизнь людей в Китае динамично улучшается – масса, не заметить их может только тот, кто не желает их замечать. Посёлки городского типа, рыбацкие деревушки превращаются в

комфортные мегаполисы небоскребами, с парками, аллеями, набережными среди которых по высокоскоростным дорогам ездят миллионы авто на электродвигателях, где самые скоростные поезда в мире не ездят, а за малым не летают, где жизнь простых китайцев изменилась до неузнаваемости. Всему «виной» плановый характер китайской экономики, резко отличающийся от хаоса (вероятность умереть от коронавируса в Китае была в 270 раз меньше, чем в Британии) и обнищания типичных империалистических стран: США, Франции, Великобритании. Например, в то время как на берегах «Туманного Альбиона» за последние десять лет зарплата в реальном выражении постоянно снижалась, то в Китае она растёт со скоростью около 10% в год. В целом впечатляющий социально-экономический прогресс КНР (только за 10 лет: с 2010 по 2020 гг. ВВП Китая вырос на 120%) на фоне деградации Британии, с ростом цен, падением уровня жизни, гей-парадами, неконтролируемой миграцией и т.д. и т.п. заставляет реальных империалистических гениев типа Трампа захлёбываясь слюной и ненавистью к «непокорным коммунякам», строить планы экономической войны, разрушать мировую систему поставок товаров, что, кстати в Британии привело к резкому сокращению крупных инфраструктурных проектов, вроде введения станций 5G.

Проще говоря, произведённый в КНР прибавочный продукт идёт НЕ КАРМАН предпринимателям, а всему обществу в лице государства. Получается, что капиталистическая эксплуатация в Китае, о чём любят рассуждать оппортунисты типа Энгста, является эксплуатацией лишь по форме. Содержательно т.н. эксплуатация – работа за миску риса в день – либеральный миф, только в силу того, что не может одновременно происходить эксплуатация миллиарда людей и значительный рост их благосостояния.

Кроме этого, искажённо истолковывая сущность рабочего контроля и других начальных форм участия рабочего класса в управлении обществом, Энгст проваливается в примитивный анархо-синдикализм. Невозможно осуществлять государственную власть чисто классовыми рабочими объединениями. Они всегда – явление временное. Что в России 1918 г., что при Мао во времена Великой пролетарской культурной революции. Временное потому, что за кратким периодом формирования советской власти, когда стоит

необходимость в самые сжатые сроки взять управление основными функциями государственной власти на себя, воспитать кадры с необходимыми навыками организации производства, учёта и контроля в народном хозяйстве, следует этап поднятия роли рабочего класса на следующую ступень. Теперь представители класса-гегемона получив опыт управления производством продолжают руководство народным хозяйством без хаоса и кустарщины не столько как субъект контроля на том или ином предприятии, а как коллективный хозяин промышленности всего Советского союза как носитель общественной собственности на средства производства. «Марксист» Энгст всего этого не понимает, предполагая будто руководство экономикой может выра-

жаться исключительно в форме прямого управления отдельными предприятиями.

Теперь что касается представлений Энгста о том, что при Мао де такого не было. Если бы пекинский профессор взял на себя труд разобраться в вопросе, то он бы знал, что Мао Цзэдун, наблюдая слабость национальной буржуазии Китая, обеспечил сохранение этого класса и союза с ним сразу после победы революции. В условиях экономической отсталости КНР другого пути просто не было. На VII съезде КПК в 1945 г. Мао Цзэдун объявил о политике регулирования отношений между трудом и капиталом. С одной стороны, государство обеспечивает охрану социалистических завоеваний для всех трудящихся, с другой — гарантирует предпринимателям

получение прибыли от рациональной эксплуатации в тех пределах, которые очертит КПК исходя из стратегических планов развития страны. Т.е. именно с тех пор совместные усилия труда и капитала имели целью развитие промышленного производства КНР, искоренение бедности и привлечение представителей активной, патриотичной национальной буржуазии к решению стратегических задач развития страны. Исключительно на условиях диктатуры рабочего (работающего) класса в лице КПК! Другое дело, что по мере развития собственной промышленности, при самом активном, братском участии СССР и др. соцстран, Мао Цзэдун заявил о недопустимости такого развития частного капитала в КНР, которое позволило бы буржуазии «контролировать жизнь народа». Великий кормчий призвал национализировать те предприятия, которые *«либо носят монополистический характер, либо очень велики по своим масштабам и не могут управляться частными лицами»* («банки, железные дороги, водные пути сообщения и т.д.»). В этом Мао Цзэдун видел осуществление суньятсеновского принципа «ограничения капитала», особенно связанного с правящей верхушкой гоминьдана.

Правомерность такого подхода была признана сталинским СССР. В принципе, эту же политику, только иными средствами продолжил Дэн Сяопин. Отсюда все попытки Энгста и Ко представить дело так, что сегодняшняя КПК эксплуатирует массы и нацелена на заботу лишь о текущих и частных

интересах предпринимателей-партбилетоносцев, не выдерживает научной критики.

Что касается Сёмина, то он как человек не считающий Сталина классиком марксизма, не помещающий его на обложку своего ютуб-канала вместе с Марксом, Энгельсом и Лениным, отрицающий сталинский опыт построения первой фазы коммунизма в СССР, не в состоянии осмыслить соответствующий китайский опыт. В противном случае Сёмин был бы в курсе, что коммунисты-миллионеры имелись и в сталинском СССР. Те, кто реально трудился, в т.ч. «пахал» головой как Иосиф Виссарионович, были материально обеспечены по принципу первой фазы коммунизма: от каждого по способности – каждому по труду. Этот принцип социальной справедливости означал, что ни у кого не может быть никаких преимуществ, кроме завоёванных личным трудом на благо общества. Когда качество и количество присваиваемых материальных благ соответствует качеству и количеству труда – у молодых людей появляются веские основания «делать жизнь с товарища Дзержинского» – быть инициативными, целеустремлёнными, дисциплинированными и трудолюбивыми творцами нового общества. И чем больше таких созидателей, чья комфортная, насыщенная, разносторонняя жизнь возведена в пример другим, тем активнее у большинства людей станут пробуждаться стремления лучше трудиться, чтобы лучше жить. Такое устройство советского общества не только позволило ликвидировать нужду, наполняя общественные фонды потребления и обеспечивая ПЛАНОВОЕ СНИЖЕНИЕ ЦЕН, но и воспитывать честных и не ленивых граждан понимающих, что их высокая производительность труда и осознанно растущее потребление, выходящее за пределы среднего уровня – тех социальных норм соответствующих низкоквалифицированному, заурядному труду, будет обеспечиваться всеми силами, в т.ч. и артелями, и кооперативами и колхозными рынками.

В условиях поступательного движения к научно-организованному обществу гарантированные социальные нормы потребления будут неуклонно повышаться за счёт увеличения производительности труда и снижения цен, соответственно, будет умиляться рыночный сегмент экономики. На сегодняшний день КПК рассматривая экономическое строительство как свою главную задачу, выдвигает на первое место положение

Маркса о науке как первейшей производительной силы, осуществляя стратегию подъёма государственной мощи КНР силами качественно подготовленных научных кадров.

Иначе говоря, плановая экономика не обязательно должна быть такой дубовой как в после- сталинском СССР, когда снижение цен было свёрнуто, а производительность труда на фоне угасающего стахановского движения, перестала отвечать требованиям расширенного воспроизводства общества. Когда уравнилительный подход хрущёвцев обернулся вопиющей несправедливостью, дав старт торможению строительства коммунизма в СССР.

По вопросу перерождения партии, практика показала, что от революционного движения первыми отпадают не только невежды в марксизме, но все те, кто освобождает себя от «химеры» совести:

«Совесть, если, конечно, иметь в виду диаматически наполненный процесс непрерывного самоконтроля, позволяет самой личности судить о том, насколько он дорос до роли авангарда рабочего класса, более точно, чем об этом может судить любой внешний судья. Именно компетентная совесть каждого коммуниста в большей степени, чем бланк партийного билета, гарантирует перерождение партии, обеспечивает компетентное участие коммуниста в пропагандистской и организаторской работе.

Если совесть, т.е. диаматически наполненный самоконтроль, не господствует в каждом коммунисте, то сумма бессовестных членов партии ничего не сможет предпринять против любого другого такого же бессовестного члена. Именно так и начала формироваться во времена Хрущёва круговая порука некомпетентности и, следовательно, бессовестности в кадровом составе КПСС, достигшая при Андропове и под его покровительством всепроникающего всевластия». (В.А. Подгузов «Научный централизм как противоядие от оппортунистического перерождения партий с коммунистическими названиями»).

Поэтому, когда «Прорыв» утверждает, что китайские дельцы зарабатывают столько, сколько им позволяет государственная власть рабочего

класса в лице КПК, то это означает, что если китайские коммунисты в вопросах строительства научно-организованного общества окажутся нерадивыми каменщиками – примутся класть на совесть, то КНР не избежит печального опыта контрреволюции в СССР, предопределённой поражением марксистов в теоретической форме классовой борьбы внутри КПСС.

Рассмотрим ещё один аспект антикитайской пропаганды, чтобы понять в чём заблуждается/беспардонно лжёт профессор пекинского университета – «марксист» Ф. Энгст:

«Когда я изучал историю культурной революции, я постоянно сталкивался с неопровержимым доказательством. Рабочий класс был хозяином в стране. Что это за доказательства? Внутрипартийная борьба, полемика, дискуссия и соперничество на заводах, в университетах или школах были возможны только потому, что рабочим принадлежала власть».

Понятие «культурная революция» в научный оборот ввёл Ленин. Сущность её – борьба за мировоззрение людей. За избавление от буржуазных взглядов на жизнь. За формирование прогрессивной, научной картины мира на базе освобождения и развития производительных сил в условиях становления новых производственных отношений.

Противоречие между главным тезисом коммунизма – всё на благо человека и умирающей, разлагающейся буржуазной идеологии – всё на благо платёжеспособного индивида, разрешается в борьбе двух линий: либо мы поднимаемся до уровня требований оптимального для Homo sapiens – научно-организованного общества, осушим болото устремлений к личному благополучию и заставим эксплуататоров жить за счёт собственного труда, либо паразитические взгляды и нравы современного организованного невежества – образованного мещанства погубят человечество.

Другими словами, главная задача культурной революции подавив представителей эксплуататорских классов и носителей буржуазной идеологии, поднять стадный уровень развития общества, доставшийся в наследство от частнособственнической селявухи до человеческой ступени взаимоотношений между людьми, когда эффективность экономики измеряется не накоплением капитала на счетах отдельных лиц, а ростом

качества и продолжительности жизни всех без исключения членов общества. Когда люди привыкая к разумной и комфортной жизни замечают, как она становится всё комфортнее и увлекательнее! Этот процесс можно сравнить с правильным, коллективным воспитанием детей, где на первый план выносятся всё то, что способно возвысить человека, раскрыть его прогрессивные желания, бескорыстные мотивы и высокие духовные потребности, демонстрируя как неуклонное стремление ко благу всех (дремлющее у взрослых под рыночным маринадом), способно каждого сделать счастливым – свободным от отношений при которых «из людей добывают деньги, как из скота сало».

Учитывая, что культурная революция – есть борьба, то какая же борьба способна сузить рамки личного эгоизма в виде интересов собственного «Я» и расширить рамки общественных, научно-обоснованных потребностей человека, чтобы «Я» лишившись низких страстей и уподочных влечений представляло собой орудие взаимного счастья для всех?

Ввиду того, что всем членам общества чтобы существовать и оставаясь разумной формой жизни продолжать свой род, необходимы определённые материальные и духовные блага добываемые в результате производства – коллективного преобразования природы, то не понимать или игнорировать тот факт, что при общественном характере производства частный характер присвоения его результатов доказывает, что кое-кто не сея плоды труда других вкушает, значит вольно или невольно поддерживать подобное положение дел – быть несознательным, стихийным элементом общества не готовым для борьбы с тем тысячелетним злом, чья противоположность окрещена прогрессом.

С момента выхода в 1902 г. ленинской брошюры «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» известно, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как зачаточную форму сознательности». Противоположность стихийного элемента – зрелая форма сознательности образованного и организованного элемента, чья зрелость проверяется ПОНИМАНИЕМ как объективных законов общественного развития, так и механизмов реализации объективной необходимости, которую эти законы выражают. Поэтому стихийность массы

требует от компартии массы сознательности, а теперь представьте себе утопию Энгста когда идёт бесконечная *«внутрипартийная борьба, полемика, дискуссия и соперничество на заводах, в университетах или школах»*.

Считать доказательством установления пролетариатом своей диктатуры «внутрипартийную борьбу», переходящую в «соперничество на заводах, в университетах или школах» – принимать за истину формальную сторону дела. Очевидно, что открытые дискуссии – это признак более свободных, а значит более ОТВЕТСТВЕННЫХ отношений между людьми, потому что в условиях буржуазной диктатуры научная полемика о движении общества к прогрессу замалчивается (стоит вне закона) принципиально. Но содержательно боевая организация рабочего класса – это не дискуссионный клуб, участники которого поглощены спорами по поводу описания мира.

Если полемика происходит не в сплочённом коллективе, она будет основана на страстях, душевных порывах, эмоциях, безответственной критике и ждать научного = твёрдого и результативного решения задач, стоящих перед партией и обществом нет смысла. Художественной иллюстрацией бесплодности «споров до хрипоты» служит известное стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся», изображающее как свободный обмен мнениями не обеспечивает сознательного отношения к делу.

Другими словами, первичен не свободный обмен мнениями, первичен ПРОФЕССИОНАЛИЗМ всех обменивающихся мнениями.

Пекинский профессор не понимает, что противоположности органически взаимосвязаны, взаимозависимы и являются условием существования друг друга. Более того, абсолютизируя борьбу противоположностей и апеллируя к опыту КПК под руководством Мао Цзэдуна, Энгст упускает из виду тот факт, что между буржуазией и рабочим классом в течении определённого времени и в определённых сферах деятельности имеется взаимозависимость, когда буржуазия под руководством авангарда рабочего класса используется для достижения определённых целей развития вчерашнего полуфеодалного общества.

Например, патриотизм национальной буржуазии КНР являлся положительным фактором в деле создания единого фронта рабочего класса и буржуазии на протяжении всего процесса преобразования последней в борьбе с американским и

европейским империализмом. Энгст же фактически отрицает тождество противоположностей, игнорируя тождество между рабочим классом и национальной буржуазией Китая, а тем более тождество между различными классами, прослойками и отрядами трудящихся.

Отталкиваясь в своих заблуждениях от Культурной революции в КНР, Энгст не раскрывая её причин, хода и следствий, принимается трактовать её сущность с точки зрения типичного хвостиста из «рабочей оппозиции» Шляпникова: «верните власть рабочему классу!». Подобный подход радует Сёмина с его проповедью стихийности, мол, в результате неизбежной катастрофы капитализма восставший народ сам выдвинет лидеров, которые организуют партию, возьмут власть, удержат её и построят коммунизм...

Великая пролетарская культурная революция в КНР как решительное наступление на явных и тайных адептов капитализма вызывает у прорывцев одобрение. Она преследовала несколько взаимосвязанных целей в деле строительства коммунизма:

1. Нанесение удара по буржуазной части деятелей науки и искусства. Деморализация и изоляция тайных и явных сторонников частной собственности, в первую очередь среди интеллигенции.

2. Масштабная чистка КПК, госаппарата и провинциальных звеньев управления (бюрократов-чиновников ещё гоминыдановской заправки) на фоне борьбы за власть в руководстве партии между Мао Цзэдуном – председателем партии и Лю Шаоци – председателем КНР.

3. Упрочение диктатуры пролетариата в КНР, возобновление политики Трёх красных знамён (в частности Большого скачка), а также усиления антиимпериалистической борьбы.

Горбачёвская «перестройка» наглядно продемонстрировала как советская творческая и техническая интеллигенция с антисталинским, а значит антисоветским = буржуазным сознанием – отродье хрущёвской слякоти, заплонив учебные заведения, учреждения культуры, науки, искусства, объяв своим дутым авторитетом практически все сферы жизни, вызвали до сих пор хлещущие кровавые сопли у идейно обезоруженного и деморализованного советского общества, принудив интеллектуально опустившуюся КПСС к самороспуску, рабочий класс к капитуляции и реставрации капитализма в СССР.

Надо понимать, что именно стихийность, слабая управляемость Культурной революции в КНР привела к тому, что КПК в лице Мао со товарищи в какой-то момент упустила контроль над ситуацией. Произошло это потому, что рабочий класс не способен самостоятельно вооружаться истинами марксизма, а там, где в этом вопросе недорабатывает компартия, не долго ждать наступления буржуазных идеологов.

Главная проблема осуществления Культурной революции в КНР заключалась в том, что самое сильное сопротивление ей было оказано внутри КПК. Легко пролезая в партию с помощью демократического централизма, буржуазные элементы получали власть и сами создавали, используя пламенную революционную риторику, отряды хунвейбинов и цзаофаней для внутрипартийной борьбы с Мао и его соратниками. Это знакомая стратегия империалистов по реставрации капитализма в социалистических странах: голосовать друг за друга чтобы прокрасться в партию – захватить в ней руководство – опрокинуть правильную политику партии – сдать страну международному капиталу под эгидой США.

Поэтому, если определяющей и организующей силой, двигателем процесса познания масс являются представители научного = марксистского мировоззрения, то одержать победу в борьбе между передовым и отсталым, между отношениями эксплуатации и свободы как осознанной необходимости, возможно только под грамотным руководством партийной организации марксистов. Без правильного партийного руководства, без вождей, овладевших марксизмом в полной мере, идеологическое воспитание масс, их успешная классовая борьба за коммунизм практически неосуществима. Если партия не ставит перед собой или не выполняет задачи максимального углубления сферы сознательного и предельного сужения сферы стихийного в общественном сознании, то влияние буржуазной идеологии на рабочий класс будет нарастать и расширяться. Опять же показательна горбачёвская «перестройка», когда начатый Хрущёвым процесс

десталинизации благословил перерождение членов КПСС в мещан и обывателей, что закончилось перерождением рабочего класса в пролетариат: бестолковый, безвольный и потому совершенно безопасный для капитала.

Сегодня типичный «левый», пока всё идёт гладко, без помех и затруднений, в рамках обычного увлечения не выходящего за пределы рыночного выживания, пока нет никаких реальных конфликтов с властью имущими, ведёт себя как товарищ, потому что обстановка для досужего времяпрепровождения благоприятна и необременительна. Пускай там «самые умные», кому больше всех надо овладевают марксизмом пишут рефераты, заметки, статьи для укрепления партийной печати и Центрального Органа, организуют территориальные группы и т.д., а мы будем тусоваться в сети, блистать глубокомыслием очевидных истин поругивая капитализм. Именно этим годами занимается К. Сёмин. Именно поэтому он пригласил для обсуждения КНР преклоняющегося перед стихийностью рабочего движения – оппортуниста Фреда Энгста с его бездоказательными утверждениями в стиле «я так вижу», а не, например, австралийского коммуниста Роланда Бура – живущего в КНР и преподающего в Дальнянском технологическом университете. Ведь Бур способен аргументированно опровергнуть рассказы о том, что Китай – капиталистическая страна, а это идёт вразрез с позицией оппортунистов, выступающих ПРОТИВ углубления сотрудничества РФ с КНР/КНДР и ЗА победу НАТО на Украине.

Так что с такими «товарищами» всё быстро поменяется, как только им придётся столкнуться с трудностями и лишениями, как только перед ними встанет вопрос о реальной борьбе, как только перед ними замаячит перспектива репрессий со стороны буржуазной диктатуры. В этом-то и заключается главная трудность партийного строительства – уметь проводить чёткую грань между товарищами и врагами, на что демократический централизм категорически непригоден.

Май 2025

ИСТОРИЯ

**Декларативно-
догматический
социализм
Н. Андреевой***Егор ПОЛОВИНКО*

Имя Нины Андреевой сегодня мало что скажет подавляющему большинству жителей России. А между тем написанная Андреевой статья *«Не могу поступиться принципами»* в своё время считалась аж целым «манифестом антиперестроечных сил».

Каковы были эти силы, таков оказался и исход борьбы: сторонники сохранения в СССР диктатуры рабочего класса так и не смогли ничего противопоставить популизму фашиствующих демократов.

«Перестройка» победила, и победа её обрекла все без исключения народы бывшего СССР на прозябание под пятой рыночной тирании, на вереницу войн и геноцидов, на чувство страха, возникающее всякий раз, когда речь заходит о завтрашнем дне.

В эпоху временного торжества реакции Россия вошла страной, значительная часть населения которой не примирилась с реставрацией буржуазного строя; страной, имеющей мощное левое движение, возникшее на осколках КПСС, частью которого была в том числе и сама Андреева.

Россия имела все возможности для возвращения на путь построения общества всеобщего счастья. Возможности эти были упущены, реванш коммунизма был отложен на неопределённый срок.

Нежелание подавляющего большинства тогдашних левых основательно засесть за изучение теоретического и практического наследия Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, нежелание по-марксистски осмыслить богатый опыт побед и поражений коммунизма, а также жгучее желание

подстраиваться под всякую протестно-«оппозиционную» возню, нездоровая самооценка, политический инфантилизм и неумение работать «вдолгую» — всё это сыграло с пролетарским движением России злую шутку.

В эпоху загнивания империализма стратегический успех будет иметь лишь такая практика, под которую подведено солидное научно-теоретическое обоснование, практика, осуществляемая под руководством последовательных марксистов по мировоззрению, а значит, и по образу действий.

Сиюминутная трескотня, идущая в хвосте у спонтанного движения возмущённой массы, крикливые, но бессодержательные резолюции, протестный активизм, предпочитающий марксистскому пониманию политики буржуазную политехнологию, — всё это неизбежно обречено терпеть одно поражение за другим. Таков опыт российского левого движения девяностых. Таков, к сожалению, и опыт нынешней итерации российских левых.

Но вернёмся к Андреевой. В девяностые она основала собственную партию с коммунистическим названием. Конечно, партией в строгом, ленинском, смысле этого слова андреевская организация не является, тем более не является она партией революционного рабочего класса, партией коммунистической. А слово «большевиков» в названии партии (а именуют себя андреевцы, на минуточку, «Всесоюзной коммунистической партией большевиков») и вовсе есть что-то из разряда рыночного пиара, сошедшего со страниц пелевинского «Generation П».

И всё же основанная Андреевой организация пережила свою основательницу и существует до сих пор. При желании возможно даже раздобыть партийную газету. В одном из номеров газеты, распространяемой активистами на торжественных митингах, посвящённых Дню Победы, можно встретить объявление о выходе в свет книги «Будущее за социализмом» — собрания статей и выступлений зачинательницы партии.

Содержание книги симптоматично и весьма показательно — на поверхность всплывают проблемы, ставшими роковыми для коммунистического движения России, да и не только. В книге на 780 страниц внятного обоснования тезиса о том, что «будущее за социализмом», читателю найти не удастся. Книга, как оказалось, вообще не об этом. Она наполнена сплошь заявлениями, резолюциями, материалами съездов, парадными статейками о том о сём. Видно, что издатели вдохновлялись печатавшимися в советские годы сборниками избранных статей и выступлений деятелей коммунистического движения. Однако в случае с андреевской «ВКПБ»

рывать материалы партийных форумов, зачем читать огромное множество резолюций, если ни политики, ни теории они не содержат, если не представляют собой актуализированного марксизма и не отвечают на насущные вопросы пролетарского движения?

Почему документы внутрипартийной жизни реальной ВКП(б), а не современного симулякра, до сих пор остаются актуальными и привлекают

"Не могу поступаться принципами"

...Читаю и перечитываю нашумевшие статьи. Что, к примеру, могут дать молодежи, кроме дезориентации, откровения "о контрреволюции в СССР на рубеже 30-х годов", о "вине" Сталина за приход к власти в Германии фашизма и Гитлера? Или публичный "подсчет" числа "сталинистов" в разных поколениях и социальных группах?..

никакой реальной коммунистической практики за этим нагромождением речей и деклараций не стоит. Спрашивается, зачем пролетарию штуди-

рование людей левых взглядов по всему миру?

Ответ кроется в глубине проработки политических вопросов, осуществляемой ленинско-сталинской командой, в той практике, частью которой являлась большевистская внутрипартийная жизнь. Большевистские резолюции в массе своей сопровождались реальными практическими успехами — ниспровержением империализма в России, победой над белобандитами и интервентами, электрификацией, коллективизацией, индустриализацией, культурной революцией и победой в Великой Отечественной войне. Большевистским резолюциям предшествовала ленинско-сталинскаяковка кадров, за большевистскими резолюциями стояли выдающиеся коммунисты. И, что самое главное, большевизм как политическое течение был по-марксистски теоретически обоснован Лениным, большевизм произрастал из ленинского интеллектуального подвига, из ленинских ответов на важнейшие вопросы современного Ленину общества вообще,

современного Ленину революционного движения в особенности.

Какова цена, скажем, материалам IV съезда андреевской «ВКПБ», если ничего из атрибута реальных большевиков за этими материалами не скрывается? Какова цена бесконечным заявлениям Секретариата их ЦК, от одного названия коих за километр веет душком неоправданного важничанья?

«Отступление закончилось, пора переходить в наступление» — так был озаглавлен доклад Андреевой на съезде. Наступления так и не произошло, но дело даже не в этом, а в том, что и отступления как такового не было, ибо отступать было некому.

Можно ли убедить пролетария в том, что «будущее за социализмом» одними заявлениями, звучащими в никуда? Очевидно же, что нет. Именно сегодня, когда в большинстве буржуазных стран коммунистическое движение пребывает в жалком состоянии, особо остро стоит потребность в осмыслении богатого теоретического и практического наследия классиков марксизма, особо остро стоит необходимость каждому, кто считает себя сторонником коммунизма, по-марксистски форсировать самообразование и самовоспитание, дабы не просто повторить интеллектуальный подвиг классиков, но превзойти его.

Левые в массе своей идут иным путём, путём формализма, путём, образчиком которого и служит книга «Будущее за социализмом». *Телегу они ставят впереди лошади* — создание всевозможных организаций, сочинение деклараций, резолюций и лозунгов стоит у них на первом месте, а воспитание людей, способных воплотить лозунги в жизнь, якобы само собой должно приложиться.

Позорный опыт девяностых, видимо, ничему людей не учит. На коммунистическую работу в левой среде как смотрели через кривое зеркало буржуазной политтехнологии и буржуазного пиара, так и смотрят.

Что же, результат налицо.

Сторонников журнала «Прорыв» часто обвиняют в оторванности от масс. Практика же показывает, что как раз таки путь организационного зуда и пустых заявлений ведёт к скатыванию в оторванный от реальной политики кружок. Так произошло с «ВКПБ» Нины Андреевой, так было

с РКРП, это случилось с «Союзом Марксистов» и этому ещё предстоит случиться с множеством наспех склеенных левых организаций.

А ЧТО «ПРОРЫВ»?

А «Прорыв» как шёл, так и будет продолжать идти иным путём, путём, несомненно, более тяжёлым, требующим от идущего колоссальной выдержки, умения играть вдолгую, умения поступательно двигаться к стратегической цели, невзирая на критику отсутствия каких-либо сиюминутных результатов.

Коммунистическое братство не может строиться на формальном авторитете харизматичной личности, будь то Нина Андреева, будь то Балаев, будь то Сёмин или Попов. Не может держаться коммунистическое братство и на одном только лишь уставе, требующем подчиняться Центральному комитету, избираемому в современных левых организациях чёрт знает как, без знания дела, с пренебрежением к науке, но с экзальтированным благоговением перед демократией.

Единство воззрений — вот та почва, из которой только и может произрастать **коммунистический монолит**, способный действовать именно что как партия рабочего класса. Но единство воззрений не может ограничиться одним лишь бездумным согласием. Коллектив лишь тогда вправе называться коммунистическим, когда каждый его участник самостоятельно продумывает свою позицию. При добросовестном подходе к делу подлинное единство взглядов, несомненно, будет достигнуто, ибо истина всегда одна, истина всегда конкретна. Этому учит материализм.

Стало быть, сторонникам «Прорыва», дабы не повторять ошибок подавляющего большинства левых, необходимо крепко сплотиться вокруг идейных позиций журнала, организовать на почве глубокого изучения теории, на почве её пропаганды и развития, на почве самовоспитания и самообразования. Всё это проделать можно только и только посредством системной работы, направленной на укрепление прорывистских изданий. Такая работа уже ведётся, такую работу предстоит вести ещё очень и очень долго, однако дело наше, при правильном к нему подходе, обязательно даст свои плоды.

Февраль 2025

ЭКОНОМИКА

О МОТИВАЦИИ

Jane V.

Среди пролетариев все чаще можно услышать стихийные дискуссии о мотивации трудовой деятельности и надобности отдельных видов труда. Согласно британскому статистическому центру YouGov, в 2024 году в одной только Британии 53% работников сферы «финансовых услуг» заявили, что их сфера деятельности не приносит никакого вклада в общественное развитие.

Либеральные пропагандисты распространяют образ успешного и мотивированного по рыночным меркам человека. Такого человека, который прежде всего стимулирован деньгами, «красивой жизнью». Но справедливо будет отметить, что, по существу, в своей агитации недалеко ушло и большинство популярных левых организаций с «революционно громкими», коммунистическими названиями. Они пока что так и не удосужились вывести сознание хотя бы наиболее передовых пролетариев рыночных стран на качественно новый уровень, нежели борьба за повышение заработной платы, увеличение дохода и потребительская критика капитализма. То есть большинство этих организаций борется за повышение заработной платы и увеличение дохода при рыночной системе, чтобы пролетарий мог «работать, жить хорошо и ни в чем себе не отказывать», тем самым низводя саму мотивацию трудовой деятельности до уровня интереса «иметь деньги».

Невозможно завоевать научный авторитет, не ставя задачу качественного повышения уровня сознания пролетариев умственного и физического труда, а только постоянно обличая капитализм из-за снижения уровня доходов. Поэтому актуальна качественная пропаганда научного мировоззрения (марксизма). Только пролетарии, поднявшие свою сознательность до уровня марксистов, а затем коммунистов, способны обеспечить соединение массового пролетарского движения с марксизмом. Усилия должны быть

направлены на развитие в индивидах научного мировоззрения! В том числе в долгосрочной перспективе **целой мотивации на уровне необходимости изменения общественного строя, освобождения производительных сил.** Как и писал Маркс, суть в том, чтобы изменить мир, а не объяснить его.

Мотивация трудовой деятельности при капитализме

Поскольку абсолютным экономическим законом капитализма является жажда максимальных прибылей, то общество не развивается согласно научно обоснованной необходимости. Трудовая деятельность человека, опосредованная наймом, подчинена и служит экономическому закону максимальной прибыли. Мотив в таком случае порождён обстоятельствами рыночного общества — это деньги, которые дают доступ к средствам и радостям жизни.

Что такое мотивация?

«Слово мотив принято в литературе для обозначения той или иной субъективной побудительной установки, сформировавшейся в психике индивидов под воздействием как природных факторов, физиологии, условий социального бытия, так и идеологической надстройки. Содержание этих мотивов зависит, главным образом, от соотношения идеологически сформулированных постулатов и научно добытых истин, от соотношения церковного и светского воспитания, от соотношения общественных и частных средств массовой информации и систем образования населения и «элит»» (Подгузов «О мотивах человеческой деятельности»²⁶).

²⁶ ПРОРЫВ №4 (60) 2018

(http://proriv.ru/articles.shtml/podguzov?motiv_60)

Развитие мотивации человека стоит рассматривать исторически, то есть как она формировалась на протяжении разных периодов развития человечества. Мотивация трудовой деятельности при капитализме, как и в прошлых эксплуататорских формациях, базируется на рефлексх, инстинктах, интересах, вере и стимулах. Эта мотивация в основном состоит из простых посылов, возникающих без участия аналитических способностей, на уровне обыденного мышления. Такими мотивами, как правило, являются голод, холод, нищета и интерес заработать побольше. Труд в эксплуататорских обществах является если не проклятием, то тяжким бременем.

Мотивация труда при капитализме в большинстве случаев есть совокупность побуждающих мотивов на бессознательном и обыденном уровнях. Но каким образом дело будет обстоять после взятия власти рабочим классом?

Мотивация трудовой деятельности при коммунизме, развитие мотивации эксплуататорской формации до мотивации при высшей фазе коммунизма

При социализме (низшей фазе коммунизма) трудовая деятельность направлена на производство общественного богатства, на удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества. Так как высшую фазу коммунизма нельзя ввести по щелчку пальцев, очень важна роль субъективного фактора, именно партии, которая ведет народ к коммунизму, а не «развитому социализму». После взятия власти рабочим классом и обобществления политика государства будет направлена на то, чтобы организовать производство и распределение по-научному, в рамках объективных потребностей общества и его развития (приоритет производства средств производства, энергетики, инфраструктуры для обеспечения расширенного воспроизводства и создание условий для развития каждой личности). В первое время, из-за неизбежной классовой борьбы, борьбы с пережитками и товарностью, еще будет реализовываться стимуляция человека к труду прежними методами, т. е. за счёт материальной стимуляции. Но нужно учесть то, что она будет сопряжена с усиленным **ОБРАЗОВАНИЕМ ВСЕХ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА**, культурной революцией. Только рост марксистской образованности позволит осознать необходимость перехода к зрелому коммунизму.

«...Нынешней мотивации достаточно для

того, чтобы некоторое время осуществлять то, что в простонародье зовется строительством социализма. Но, как показала историческая практика, этих мотивов абсолютно недостаточно, чтобы происходило действительное и гарантированное движение к коммунизму» (там же).

Расширенное участие общества в воспитании человека с ранних лет будет нацелено на всестороннее его развитие. Ведь овладение большинством членов общества всеми ценными знаниями, которые выработало человечество, является одной из важнейших предпосылок перехода к коммунизму.

«Когда мы слышим нередко и среди представителей молодежи, и среди некоторых защитников нового образования нападки на старую школу, что старая школа была школой зубрежки, мы говорим им, что мы должны взять то хорошее, что было в старой школе. Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (Ленин).

Сама организация труда на высшей стадии коммунизма будет соответствовать потребностям развития общества. Будет достигаться баланс между отдыхом, трудом и образованием. При условии автоматизации (а где-то даже ликвидации по ненужности) отупляющего и монотонного труда будет осуществлена плановая переквалификация работников той или иной отрасли при одновременной возможности реализовывать свои таланты на практике. Индивид будет добровольно трудиться и реализовывать себя на благо общества, осваивая за жизнь две-три профессии.

«На второй фазе коммунистического общества количество труда, затраченного на производство продуктов, будет измеряться не окольным путем, не через посредство стоимости и её форм, как это бывает при товарном производстве, а прямо и непосред-

ственно — количеством времени, количеством часов, израсходованным на производство продуктов» (Сталин «Экономические проблемы социализма в СССР»).

«Право отмирает полностью тогда, когда общество осуществит правило: „от каждого по способностям, каждому — по потребностям“, т.е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производитель, что они добровольно будут трудиться по способностям. „Узкий горизонт буржуазного права“, составляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних полчаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать по потребности» (Ленин «Государство и революция»).

«Что же касается распределения труда, то распределение труда между отраслями производства будет регулироваться не законом стоимости, который потеряет силу к этому времени, а ростом потребностей общества в продуктах. Это будет общество, где производство будет регулироваться потребностями общества, а учет потребностей общества приобретет первостепенное значение для планирующих органов» (Сталин).

Также будет реализован принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» и ликвидирован антагонизм разделения труда. Человек при коммунизме перестанет, наконец, всю жизнь быть прикованным к одной профессии.

Планомерное строительство коммунизма, насыщение сознания людей научным мировоззрением неизбежно изживут в них инстинкты и привычки, которые вызвали отвращение к труду и мотивацию нахапать побольше. Как и писалось ранее, мотивация человека развивается в зависимости от определенных исторических условий. По мере

движения общества к высшей фазе коммунизма мотивация трудовой деятельности обязательно будет развиваться от уровня интереса, стимула до уровня осознания необходимости (посредством обучения каждого члена общества, развития его навыков и раскрытия талантов). Воспитание человека будет играть решающую роль. При коммунизме психологическая необходимость человека в трудовой деятельности будет сопряжена с общественной необходимостью, например необходимостью исследования океана, космоса, решения экологических, медицинских, производственных проблем.

Таким образом происходит переход от стихийности общественного развития к сознательному научному развитию, окончательное выделение из животного мира.

«Как и любая живая материя, общество развивается путём взаимодействия с природой, но помимо этого, будучи высшей формой материи, оно ведёт борьбу за выделение из животного мира. Взаимодействие с внешней средой у общества развилось до управляемого и целенаправленного обмена веществ и энергий с природой с целью её преобразования, то есть до коллективного труда» (Ян Дубов).

Мотивация трудовой деятельности при коммунизме будет развита до уровня осознания необходимости, станет отрицанием тех стимулов и инстинктов, которые сложились в классовом обществе. Основой такой мотивации будет овладение научным мировоззрением. После преодоления эксплуатации человека человеком и частных отношений собственности сама трудовая деятельность станет более творческой, чем при капитализме. Однако это не значит, что коммунизм избавит человека от физического или даже монотонного труда вообще. По необходимости останется в той или иной мере физический компонент труда, а та же учёба всегда частично сопряжена с зубрёжкой.

При капитализме же коммунистическая мотивация труда имеется в зачаточном виде как добросовестное отношение и высокий профессионализм многих пролетариев, особенно учителей, врачей, инженеров, первооткрывателей, учёных, но не только. А в полноценном виде возможна как мотивация настоящих коммунистов.

Февраль 2025

НАМ ПИШУТ

Письмо

Роберт

Дорогой Подгузов,

Спасибо за письмо в прошлом году, оно согрело мое сердце и воодушевило меня. Я пишу, чтобы проинформировать вас о ситуации здесь, поделиться некоторыми из моих личных переживаний и узнать, какие мысли или советы у вас есть.

Мне трудно писать. Легко отвечать на чьи-то вопросы, но я почти всегда недоволен черновиками написанных мной статей и либо не заканчиваю, либо не отправляю их по этой причине. Однако я в основном доволен своей последней подачей, так что тенденция хорошая, даже если частота отправки плохая. Я намерен закончить что-то для научно-теоретической конференции по «Капиталу» Маркса, и, если мне это удастся, это тоже должно быть удовлетворительно. Темой будут категории производственного и непроизводительного труда и их трансформация в движении к коммунизму. Я все еще изучаю простое и расширенное воспроизводство во втором томе «Капитала», чтобы понять, как это происходит. «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталина были незаменимы.

Сейчас я единственный, кто активно учится или пишет. Было бы неплохо быть не единственным, но мне повезло, что у меня есть для этого хорошие возможности. Я вырос в семье мелких владельцев и рабочих-специалистов и в раннем возрасте понял, что работа на начальницу в первую очередь обогащает начальницу, а не меня, поэтому я не хотел работать ни на кого, кроме членов семьи. Эти предприятия разорились, и теперь мы с женой живем по неформальному соглашению с моей матерью, которая работает полный рабочий день, пока мы заботимся о доме и территории. Следовательно, у меня много свободного времени для чтения и размышлений, и я использовал его для изучения классики, Прорыв(иста) и

естественных наук. Ранее в жизни, ничего не зная о марксизме, я надеялся внести вклад в научный прогресс и пытался открыть несколько предприятий для этой цели, но все закончилось неудачей. Я пришел к выводу, что прогресс застопорился, потому что общество контролировалось деньгами, которые с большей готовностью накапливались в руках глупых людей, чем умных, но не понимал этого точно, пока не открыл для себя марксизм. Изучать Маркса было сложно. Я понял в основном поверхностно, когда впервые прочитал «Капитал», и не начал по-настоящему продвигаться, пока не начал читать Сталина. Я прочитал его досконально, вернулся к работам остальных классиков с большей способностью понимать их, даже открыл работы Гегеля. Меня особенно интересовал диалектический материализм — чем больше я узнавал о нем, тем больше смысла приобретало все остальное, включая естественные науки. Я пришел к убеждению, что диалектический материализм — единственный способ понять мышление, общество, биологию, физику... все. Именно это убеждение привело меня к Proriv. Подобно вам, многие факты и детали остаются в моей памяти, и диалектика — единственный способ удерживать так много информации, не подвергаясь мучениям из-за нее.

В начале изучения марксизма я присоединился к нескольким онлайн-группам для обсуждения. Я надеялся найти единомышленников, но другие участники в основном интересовались целями, не имеющими ничего общего с коммунизмом — более справедливый капитализм, национализм меньшинств, справедливое голосование, права сексуальных меньшинств и т. д. В конце концов я встретил несколько человек, которые, по крайней мере, проявили инте-

рес к газете и журналу, но большая часть времени была потрачена впустую. На данный момент я давно прекратил участие в этих группах.

Я также никогда не вступал ни в одну партию, поскольку ни одна из них не имела прочной основы в марксистской теории. Как вы и говорите — нам не очень везло с теоретиками в Америке. Грустно читать речи Сталина об Американской коммунистической партии, и особенно его замечание о том, что успех в США будет означать почти несомненную победу мирового коммунизма, зная, что в последующие десятилетия Браудер будет плестись в хвосте, за которым последует переворот Фостера, который приведет партию к полному поражению и в конечном итоге к неактуальности. По крайней мере, это означает, что поле коммунистической информации широко открыто, за исключением некоторых сорняков, растущих на нем.

Как вы знаете, американская группа изначально планировала открыть собственный журнал. Мы с энтузиазмом взялись за задачи по оформлению сайта, но не создали адекватного содержания. Я решил, и остальные согласились, что нам не следует выходить из тени журнала, пока у нас не будет оригинальных, глубоких теоретических статей, и что до тех пор мы должны направлять заинтересованных лиц в Proiv. Я все еще намерен открыть этот журнал, сам, если это необходимо, как только это условие будет прояснено.

Недавняя полемика застала меня врасплох. Когда я переводил вашу статью «Anything can be resolve...» на английский язык, я верил, что Шевцов и другие воспримут критику, извлекут

из нее урок, и работа журнала продолжится относительно мирно. Беспокоило то, что в ВК, похоже, формируется клика, но я не был ее участником, и был впечатлен работами Шевцова, будучи высокого мнения о нем. Но вы, главный редактор, пользуетесь моим полным доверием. Статья Бронислава помогла мне лучше понять ситуацию, а статья Назаренко, особенно скромность его самокритики, убедила меня в его искренности. Я также был убежден, что если я хочу стать марксистом, я выстрелю себе в ногу, если не протяну руку и честно не попрошу совета, не буду сотрудничать с теми, кто активно развивает теорию марксизма. Я слишком хорошо отношусь к болезням близких родственников, мы с женой много времени провели за последние четыре года, оказывая паллиативную помощь, и ценю, что вы все еще можете писать так много, как вы это делаете. С вами действительно чувствуется, что кто-то стоит у руля.

Как и прежде, желаю вам здоровья,
Роберт

P.S. В недавней статье вы набросились на товарищей, которые как заклинание произносят воодушевляющий призыв «На работу, товарищи!». Я сразу вспомнил, что первый пост, опубликованный под моим авторством, заканчивался именно этой фразой. Мне захотелось внести ясность — этот призыв был добавлен в конец моего поста без моего ведома и принят с большой неохотой. Я воспринимаю это как урок, что не стоит принимать вещи с обидой.

Апрель 2025

Редакция журнала «Прорыв»:

Подгузов В.А.,
(главный редактор)

Петрова О.Б.,
Редин А.,
(заместители
главного редактора)

Иванов А.,
Назаренко Д.

Кандидаты
в состав
редакции:
Грано И.,
Боровых А.,
Вахитов Х.,
Киевский К.,
Сафронов Г.,
Бронислав,
Дубов Я.

Наши контакты:

Почтовый адрес:

**109378, г. Москва, улица Федора
Полетаева, дом 15, корпус 1,
квартира 79, Петровой О.Б.**

Электронные адреса:

petrova@proriv.ru,
kohet@list.ru

Телефон:

+7 (495) 378-37-59 Петрова О. Б.
+7 (903) 201-65-98

*Редакция работает на общественных
началах. Рукописи редакцией
не рецензируются, не редактируются,
не корректируются и не возвращаются.*

Посетите наш сайт
в Интернете
www.proriv.ru

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках: экономика, политика, философия, этика, история, военные вопросы, рецензии и критика, политическая публицистика, юмор, а также большую подборку коммунистической музыки, коллекцию ссылок на марксистские издания и библиотеки, листовки по актуальным вопросам, исторические документы и исследования.

На наш журнал можно подписаться. Для этого нужно написать в редакцию письмо или связаться с ней по телефону, и с этого времени Вы будете получать наши журналы по почте или лично. Цена одного экземпляра журнала с учетом почтовых расходов **60 рублей**.

Зарегистрирован Центральным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации
ПИ №1-00915 от 20 декабря 2002 г.

Цена свободная. Тираж 800.
Объем 54 стр. формата А4.
Подписано в печать 21.05.2025.
Дата выхода в свет 27.05.2025.

Адрес редакции: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.

Адрес издателя и типографии: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.